А. С. ПУШКИН

А. С. ПУШКИН.

Портрет работы художника В. Тропинина. 1827 г.

1799
1949

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА–ЛЕНИНГРАД
1950

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ПУШКИН

ТОМ ВТОРОЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1820 - 1826

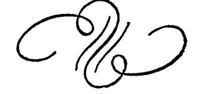

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1950

Печатается по текстам
Полного собрания сочинений
А. С. П у ш к и н а,
изданного Академией Наук СССР

СТИХОТВОРЕНИЯ

1820 (Юг) - 1826

1820 (Юг)

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость

И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младые,
Подруги тайные моей весны златыя,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнью молодою
Не долго наслаждаться ей;
Не долго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой остротою
Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать...
Спешу в волненьи дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее;
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей —
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

К ***

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?
И так уж близок день страданья!
Один, в тиши пустых полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянных тобою дней!
Тогда изгнаньем и могилой,
Несчастный! будешь ты готов
Купить хоть слово девы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

Мне вас не жаль, года весны моей,
Протекшие в мечтах любви напрасной,—
Мне вас не жаль, о таинства ночей,
Воспетые цевницей сладострастной;

Мне вас не жаль, неверные друзья,
Венки пиров и чаши круговые,—
Мне вас не жаль, изменницы младые,—
Задумчивый, забав чуждаюсь я.

Но где же вы, минуты умиленья,
Младых надежд, сердечной тишины?
Где прежний жар и слезы вдохновенья?..
Придите вновь, года моей весны!

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальный край, долины обгорелы,
Жилище дикое черкесских табунов,
Подкумка знойный брег, пустынные вершины,
Обвитые венцом летучим облаков,
И закубанские равнины!

Ужасный край чудес!.. там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных,
Благословенные струи!
Надежда верная болезнью изнуренных.
Мой взор встречал близ дивных берегов
Увядших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных,
И юных ратников на ранних костылях,
И хилых стариков в печальных сединах.

Аптеку позабудь ты для венков лавровых
И не мори больных, но усыпляй здоровых.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГИЯ

Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин.
Тебя, младенца, он ласкал
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой был кинжал —
Братоубийством изощренный...
Как часто, возбудив свирепой мести жар,
Он, молча, над твоей невинной колыбелью
Убийства нового обдумывал удар —
И лепет твой внимал, и не был чужд веселью...
Таков был: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный век отца
Смиренной жизнию пред небом искупила:
С могилы грозной к небесам
Она, как сладкий фимиам,
Как чистая любви молитва, восходила.

К ПОРТРЕТУ ВЯЗЕМСКОГО

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род — с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил;

Прелестная дева ласкала меня,
Но скоро я дожил до черного дня.

Однажды я созвал веселых гостей;
Ко мне постучался презренный еврей;

«С тобою пируют (шепнул он) друзья;
Тебе ж изменила гречанка твоя».

Я дал ему злата и проклял его
И верного позвал раба моего.

Мы вышли; я мчался на быстром коне;
И кроткая жалость молчала во мне.

Едва я завидел гречанки порог,
Глаза потемнели, я весь изнемог...

В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.

Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел.

Безглавое тело я долго топтал,
И молча на деву, бледнея, взирал.

Я помню моленья... текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь!

С главы ее мертвой сняв черную шаль,
Отер я безмолвно кровавую сталь.

Мой раб, как настала вечерняя мгла,
В дунайские волны их бросил тела.

С тех пор не целую прелестных очей,
С тех пор я не знаю веселых ночей.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Когда б писать ты начал сдуру,
Тогда б наверно ты пролез
Сквозь нашу тесную цензуру,
Как внидешь в царствие небес.

НА КАЧЕНОВСКОГО

Хаврониос! ругатель закоснелый,
Во тьме, в пыли, в презреньи поседелый,
Уймись, дружок! к чему журнальный шум
И пасквилей томительная тупость?
Затейник зол, с улыбкой скажет глупость,
Невежда глуп, зевая, скажет ум.

Как брань тебе не надоела?
Расчет короток мой с тобой:
Ну так! я празден, я без дела,
А ты бездельник деловой.

ЭПИГРАММА

НА ГР. Ф. И. ТОЛСТОГО

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава богу —
Только что картежный вор.

НЕРЕИДА

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою — полубогиня грудь
Младую, белую как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1821

ЗЕМЛЯ И МОРЕ

Когда по синеве морей
Зефир скользит и тихо веет
В ветрила гордых кораблей
И челны на волнах лелеет;
Забот и дум слагая груз,
Тогда ленюсь я веселее —
И забываю песни муз:
Мне моря сладкий шум милее.
Когда же волны по брегам
Ревут, кипят и пеной плещут,
И гром гремит по небесам,
И молнии во мраке блещут —
Я удаляюсь от морей
В гостеприимные дубровы;
Земля мне кажется верней,
И жалок мне рыбак суровый;
Живет на утлом он челне,
Игралище слепой пучины.
А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.

КРАСАВИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Взгляни на милую, когда свое чело
Она пред зеркалом цветами окружает,
Играет локоном — и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает.

МУЗА

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой — и слегка,
По звонким скважинам пустого тростника,
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной,
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

ВОЙНА

Война! подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вкруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей!
Стремленье бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений! —
Всё ново будет мне: простая сень шатра,
Огни врагов, их чуждое взыванье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
Венок ли мне двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судил мне жребий боев?
И всё умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремленье,
Воспоминание и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь!.. Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой славы,

Ничто не заглушит моих привычных дум?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня, нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...
Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?

ДЕЛЬВИГУ

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,
Твоей я прозой был утешен,
Но признаюсь, барон, я грешен:
Стихам я больше был бы рад.
Ты знаешь сам: в минувши годы
Я на брегу парнасских вод
Любил марать поэмы, оды,
И даже зрел меня народ
На кукольном театре моды.
Бывало, что ни напишу,
Всё для иных не Русью пахнет;
Об чем цензуру ни прошу,
Ото всего Тимковский ахнет.
Теперь едва, едва дышу!
От воздержанья муза чахнет,
И редко, редко с ней грешу.
К неверной славе я хладею;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой.
Я позабыл ее обеты,
Одна свобода мой кумир,
Но всё люблю, мои поэты,
Счастливый голос ваших лир.
Так точно, позабыв сегодня
Проказы младости своей,
Глядит с улыбкой ваша сводня
На шашни молодых.....

ИЗ ПИСЬМА К ГНЕДИЧУ

В стране, где Юлией венчанный
И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил;
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил;
Далече северной столицы
Забыл я вечный ваш туман,
И вольный глас моей цевницы
Тревожит сонных молдаван.
Всё тот же я — как был и прежде;
С поклоном не хожу к невежде,
С Орловым спорю, мало пью,
Октавию — в слепой надежде —
Молебнов лести не пою.
И дружбе легкие посланья
Пишу без строгого старанья.
Ты, коему судьба дала
И смелый ум и дух высокой,
И важным песням обрекла,
Отраде жизни одинокой;
О ты, который воскресил
Ахилла призрак величавый,
Гомера музу нам явил
И смелую певицу славы
От звонких уз освободил —
Твой глас достиг уединенья,
Где я сокрылся от гоненья

Ханжи и гордого глупца,
И вновь он оживил певца,
Как сладкий голос вдохновенья.
Избранник Феба! твой привет,
Твои хвалы мне драгоценны;
Для муз и дружбы жив поэт.
Его враги ему презренны —
Он музу битвой площадной
Не унижает пред народом;
И поучительной лозой
Зоила хлещет — мимоходом.

КИНЖАЛ

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И озираясь он трепещет
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар нежданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон;
Но Брут восстал вольнолюбивый:
Ты Кесаря сразил — и мертв объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

Исчадье мятежей подъемлет злобный крик:
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал,
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

АВТОПОРТРЕТ А. С. ПУШКИНА
1820—1821 гг.

Всё так же ль осеняют своды
Сей храм парнасских трех цариц?
Всё те же ль клики юных жриц?
Всё те же ль вьются хороводы?..
Ужель умолк волшебный глас
Семеновой, сей чудной музы?
Ужель, навек оставя нас,
Она расторгла с Фебом узы,
И славы русской луч угас?
Не верю! вновь она восстанет.
Ей вновь готова дань сердец,
Пред нами долго не увянет
Ее торжественный венец.
И для нее любовник славы,
Наперсник важных аонид,
Младой Катенин воскресит
Эсхила гений величавый
И ей порфиру возвратит.

«Хоть впрочем он поэт изрядный,
Эмилий человек *пустой*».
— «Да ты чем *полон*, шут нарядный?
А, понимаю: сам собой;
Ты полон дряни, милый мой!»

В. Л. ДАВЫДОВУ

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои —
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на брегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь...
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

На этих днях, среди собора,
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом невзначай
Велел жить долго всей России
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай...
Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов, и намедни

Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец,— говорит,—
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит...
Иль кло-д-вужо, тогда б ни слова,
А то — подумай, как смешно! —
С водой молдавское вино».
Но я молюсь — и воздыхаю...
Крещусь, не внемлю сатане...
А всё невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоем вине...

Вот эвхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей.
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!..
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся —
И я скажу: Христос воскрес.

ДЕВА

Я говорил тебе: страшися девы милой!
Я знал, она сердца влечет невольной силой.
Неосторожный друг! я знал, нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей.
Надежду потеряв, забыв измены сладость,
Пылает близ нее задумчивая младость;
Любимцы счастия, наперсники судьбы
Смиренно ей несут влюбленные мольбы;
Но дева гордая их чувства ненавидит
И, очи опустив, не внемлет и не видит.

КАТЕНИНУ

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантов обожатель страстный,
Я прежде был ее поэт.
С досады, может быть, неправой,
Когда одна в дыму кадил
Красавица блистала славой,
Я свистом гимны заглушил.
Погибни злобы миг единый,
Погибни лиры ложный звук:
Она виновна, милый друг,
Пред Селименой и Моиной.
Так легкомысленной душой,
О боги! смертный вас поносит;
Но вскоре трепетной рукой
Вам жертвы новые приносит.

К МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЕ

Подруга думы праздной,
Чернильница моя;
Мой век разнообразный
Тобой украсил я.
Как часто друг веселья
С тобою забывал
Условный час похмелья
И праздничный бокал;
Под сенью хаты скромной
В часы печали томной,
Была ты предо мной
С лампадой и мечтой.—
В минуты вдохновенья
К тебе я прибегал
И музу призывал
На пир воображенья.
Прозрачный, легкий дым
Носился над тобою,
И с трепетом живым
В нем быстрой чередою
. . . .[1]
Сокровища мои
На дне твоем таятся.
Тебя я посвятил

---

[1] Здесь недостает, вероятно, сорока четырех стихов.

Занятиям досуга
И с ленью примирил:
Она твоя подруга.
С тобой успех узнал
Отшельник неизвестный..
Заветный твой кристал
Хранит огонь небесный;
И под вечер, когда
Перо по книжке бродит,
Без вялого труда
Оно в тебе находит
Концы моих стихов
И верность выраженья;
То звуков или слов
Нежданное стеченье,
То едкой шутки соль,
То правды слог суровый,
То странность рифмы новой,
Неслыханной дотоль.
С глупцов сорвав одежду,
Я весело клеймил
Зоила и невежду
Пятном твоих чернил...
Но их не разводил
Ни тайной злости пеной,
Ни ядом клеветы.
И сердца простоты
Ни лестью, ни изменой
Не замарала ты.

Но здесь, на лоне лени,
Я слышу нежны пени
Заботливых друзей...
Ужели их забуду,

Друзей души моей,
И им неверен буду?
Оставь, оставь порой
Привычные затеи,
И дактил, и хореи
Для прозы почтовой.
Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты,
Уныние разлуки,
Всегдашние мечты,
Мои надежды, чувства
Без лести, без искусства
Бумаге передай...
Болтливостью небрежной
И ветреной и нежной
Их сердце утешай...

Беспечный сын природы,
Пока златые годы
В забвеньи трачу я,
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя.

Когда же берег ада
Навек меня возьмет,
Когда навек уснет
Перо, моя отрада,
И ты, в углу пустом
Осиротев, остынешь
И на всегда покинешь
Поэта тихий дом...
Чедаев, друг мой милый,
Тебя возьмет унылый;

Последний будь привет
Любимцу прежних лет.—
Иссохшая, пустая,
Меж двух его картин
Останься век немая,
Укрась его камин.
Взыскательного света
Очей не привлекай,
Но верного поэта
Друзьям напоминай.

ЧААДАЕВУ

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостает душе моей усталой.
Врагу стеснительных условий и оков,
Не трудно было мне отвыкнуть от пиров,
Где праздный ум блестит, тогда как сердце дремлет,
И правду пылкую приличий хлад объемлет.
Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моем я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья,
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
Богини мира, вновь явились музы мне
И независимым досугам улыбнулись;
Цевницы брошенной уста мои коснулись;
Старинный звук меня обрадовал — и вновь

Пою мои мечты, природу и любовь,
И дружбу верную, и милые предметы,
Пленявшие меня в младенческие леты,
В те дни, когда, еще незнаемый никем,
Не зная ни забот, ни цели, ни систем,
Я пеньем оглашал приют забав и лени
И царскосельские хранительные сени.

Но дружбы нет со мной. Печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музы, ни труды, ни радости досуга —
Ничто не заменит единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный судьбою,
И чувства — может быть спасенные тобою!
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял ее советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть,
Умел я презирать, умея ненавидеть.
Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде,
Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор?

Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.
Мне ль было сетовать о толках шалунов,
О лепетаньи дам, зоилов и глупцов
И сплетней разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твоею?
Благодарю богов: прешел я мрачный путь;
Печали ранние мою теснили грудь;
К печалям я привык, расчелся я с судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.

Одно желание: останься ты со мной!
Небес я не томил молитвою другой.
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?
Когда соединим слова любви и руки?
Когда услышу я сердечный твой привет?..
Как обниму тебя! Увижу кабинет,
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,
С тобою вспоминать беседы прежних лет,
Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,
Вольнолюбивые надежды оживим,
И счастлив буду я; но только, ради бога,
Гони ты Шепинга от нашего порога.

Кто видел край, где роскошью природы
Оживлены дубравы и луга,
Где весело шумят и блещут воды
И мирные ласкают берега,
Где на холмы под лавровые своды
Не смеют лечь угрюмые снега?
Скажите мне: кто видел край прелестный,
Где я любил, изгнанник неизвестный?

Златой предел! любимый край Эльвины,
К тебе летят желания мои!
Я помню скал прибрежные стремнины,
Я помню вод веселые струи,
И тень, и шум — и красные долины,
Где в тишине простых татар семьи
Среди забот и с дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной.

Всё живо там, всё там очей отрада,
Сады татар, селенья, города;
Отражена волнами скал громада,
В морской дали теряются суда,
Янтарь висит на лозах винограда;
В лугах шумят бродящие стада...
И зрит пловец — могила Митридата
Озарена сиянием заката.

И там, где мирт шумит над падшей урной,
Увижу ль вновь сквозь темные леса
И своды скал, и моря блеск лазурный,
И ясные, как радость, небеса?
Утихнет ли волненье жизни бурной?
Минувших лет воскреснет ли краса?
Приду ли вновь под сладостные тени
Душой уснуть на лоне мирной лени?

ДИОНЕЯ

Хромид в тебя влюблен; он молод, и не раз
Украдкою вдвоем мы замечали вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии краснея;
Твой взор потупленный желанием горит,
        И долго после, Дионея,
Улыбку нежную лицо твое хранит.

ГЕНЕРАЛУ ПУЩИНУ

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
  Теперь твоя дорога;
Но ты предвидишь свой удел,
  Грядущий наш Квирога!
И скоро, скоро смолкнет брань
  Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
  И воззовешь: свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
  О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
  Ликуй, им просвещенный!

Умолкну скоро я!.. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;
Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный...
Но если я любим... позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной!..
Когда меня навек обымет смертный сон,
Над урною моей промолви с умиленьем:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен и любви последним вдохновеньем.

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное теченье.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
Что я любил, что изменило мне.
Пускай я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная! ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцелуев сладострастья;
Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви... быть может ужаснешься.
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

ГРОБ ЮНОШИ

. . . . . . Сокрылся он,
Любви, забав питомец нежный;
Кругом его глубокий сон
И хлад могилы безмятежной...

Любил он игры наших дев,
Когда весной в тени дерев
Они кружились на свободе;
Но нынче в резвом хороводе
Не слышен уж его припев.

Давно ли старцы любовались
Его веселостью живой,
Полупечально улыбались
И говорили меж собой:
«И мы любили хороводы,
Блистали также в нас умы;
Но погоди: приспеют годы,
И будешь то, что ныне мы;
Как нам, о мира гость игривый,
Тебе постынет белый свет;
Теперь играй...» Но старцы живы,
А он увял во цвете лет,
И без него друзья пируют,
Других уж полюбить успев;
Уж редко, редко именуют

Его в беседе юных дев.
Из милых жен, его любивших,
Одна быть может слезы льет
И память радостей почивших
Привычной думою зовет...
К чему?..
Над ясными водами
Гробницы мирною семьей
Под наклоненными крестами
Таятся в роще вековой.
Там, на краю большой дороги,
Где липа старая шумит,
Забыв сердечные тревоги,
Наш бедный юноша лежит...

Напрасно блещет луч денницы,
Иль ходит месяц средь небес,
И вкруг бесчувственной гробницы
Ручей журчит и шепчет лес;
Напрасно утром за малиной
К ручью красавица с корзиной
Идет и в холод ключевой
Пугливо ногу опускает:
Ничто его не вызывает
Из мирной сени гробовой...

НАПОЛЕОН

Чудесный жребий совершился;
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,
Почий среди пустынных волн...
Великолепная могила!
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила,
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упадали
При громах силы роковой;
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена?

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал, —

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Всё пало с шумом пред тобой:
Европа гибла — сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) —
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя
Счастливца душу волновал.

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб — наш договор!

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья!
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И всё, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Во след тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынии горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал,
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Гречанка верная! не плачь,-- он пал героем,
Свинец врага в его вонзился грудь.
Не плачь — не ты ль сама ему пред первым боем
Назначила кровавый чести путь?
Тогда, тяжелую предчувствуя разлуку,
Супруг тебе простер торжественную руку,
Младенца своего в слезах благословил,
Но знамя черное свободой восшумело.
Как Аристогитон, он миртом меч обвил,
Он в сечу ринулся — и падши совершил
Великое, святое дело.

К ОВИДИЮ

Овидий, я живу близ тихих берегов,
Которым изгнанных отеческих богов
Ты некогда принес и пепел свой оставил.
Твой безотрадный плач места сии прославил;
И лиры нежный глас еще не онемел;
Еще твоей молвой наполнен сей предел.
Ты живо впечатлел в моем воображенье
Пустыню мрачную, поэта заточенье,
Туманный свод небес, обычные снега
И краткой теплотой согретые луга.
Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою!
Я видел твой корабль игралищем валов
И якорь, верженный близ диких берегов,
Где ждет певца любви жестокая награда.
Там нивы без теней, холмы без винограда;
Рожденные в снегах для ужасов войны,
Там хладной Скифии свирепые сыны,
За Истром утаясь, добычи ожидают
И селам каждый миг набегом угрожают.
Преграды нет для них: в волнах они плывут
И пò льду звучному бестрепетно идут.
Ты сам (дивись, Назон, дивись судьбе превратной!),
Ты, с юных лет презрев волненье жизни ратной,

Привыкнув розами венчать свои власы
И в неге провождать беспечные часы,
Ты будешь принужден взложить и шлем
тяжелый,
И грозный меч хранить близ лиры оробелой.
Ни дочерь, ни жена, ни верный сонм друзей,
Ни музы, легкие подруги прежних дней,
Изгнанного певца не усладят печали.
Напрасно грации стихи твои венчали,
Напрасно юноши их помнят наизусть:
Ни слава, ни лета, ни жалобы, ни грусть,
Ни песни робкие Октавия не тронут;
Дни старости твоей в забвении потонут.
Златой Италии роскошный гражданин,
В отчизне варваров безвестен и один,
Ты звуков родины вокруг себя не слышишь;
Ты в тяжкой горести далекой дружбе пишешь:
«О, возвратите мне священный град отцов
И тени мирные наследственных садов!
О други, Августу мольбы мои несите,
Карающую длань слезами отклоните,
Но если гневный бог досель неумолим,
И век мне не видать тебя, великий Рим,—
Последнею мольбой смягчая рок ужасный,
Приближьте хоть мой гроб к Италии пре-
красной!»
Чье сердце хладное, презревшее харит,
Твое уныние и слезы укорит?
Кто в грубой гордости прочтет без умиленья
Сии элегии, последние творенья,
Где ты свой тщетный стон потомству передал?

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их; изгнанник самовольный,

И светом, и собой, и жизнью недовольный,
С душой задумчивой я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.
Здесь, оживив тобой мечты воображенья,
Я повторил твои, Овидий, песнопенья
И их печальные картины поверял;
Но взор обманутым мечтаньям изменял.
Изгнание твое пленяло втайне очи,
Привыкшие к снегам угрюмой полуночи.
Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый.
Уж пасмурный декабрь на русские луга
Слоями расстилал пушистые снега;
Зима дышала там — а с вешней теплотою
Здесь солнце ясное катилось надо мною;
Младою зеленью пестрел увядший луг;
Свободные поля взрывал уж ранний плуг;
Чуть веял ветерок, под вечер холодея;
Едва прозрачный лед, над озером тускнея,
Кристаллом покрывал недвижные струи.
Я вспомнил опыты несмелые твои,
Сей день, замеченный крылатым вдохновеньем,
Когда ты в первый раз вверял с недоуменьем
Шаги свои волнам, окованным зимой...
И по̀ льду новому, казалось, предо мной
Скользила тень твоя, и жалобные звуки
Неслися издали, как томный стон разлуки.

Утешься; не увял Овидиев венец!
Увы, среди толпы затерянный певец,
Безвестен буду я для новых поколений.
И, жертва темная, умрет мой слабый гений

Г. Р. ДЕРЖАВИН.

1743—1816.

Портрет работы художника Васильевского.

С печальной жизнию, с минутною молвой...
Но если обо мне потомок поздний мой
Узнав, придет искать в стране сей отдаленной
Близ праха славного мой след уединенный —
Брегов забвения оставя хладну сень,
К нему слетит моя признательная тень,
И будет мило мне его воспоминанье.
Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой — участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,
И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

ПРИМЕТЫ

Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветр, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай: завтра сонных дев разбудит дождь
ревучий,
Иль бьющий в окна град — а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокий злак долин,
Услыша бури шум, не выдет на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.

НА КАЧЕНОВСКОГО

Клеветник без дарованья,
Палок ищет он чутьем,
А дневного пропитанья
Ежемесячным враньем.

КОКЕТКЕ

И вы поверить мне могли,
Как простодушная Аньеса?
В каком романе вы нашли,
Чтоб умер от любви повеса?
Послушайте: вам тридцать лет,
Да, тридцать лет — не многим боле.
Мне за двадцать; я видел свет,
Кружился долго в нем на воле;
Уж клятвы, слезы мне смешны;
Проказы утомить успели;
Вам также с вашей стороны
Измены верно надоели;
Остепенясь, мы охладели,
Некстати нам учиться вновь.
Мы знаем: вечная любовь
Живет едва ли три недели.
Сначала были мы друзья,
Но скука, случай, муж ревнивый...
Безумным притворился я,
И притворились вы стыдливой,
Мы поклялись... потом... увы!
Потом забыли клятву нашу;
Клеона полюбили вы,
А я наперсницу Наташу.
Мы разошлись; до этих пор
Всё хорошо, благопристойно,

Могли б мы жить без дальних ссор
Опять и дружно и спокойно;
Но нет! сегодня поутру
Вы вдруг в трагическом жару
Седую воскресили древность —
Вы проповедуете вновь
Покойных рыцарей любовь,
Учтивый жар и грусть и ревность.
Помилуйте — нет, право нет.
Я не дитя, хоть и поэт.
Когда мы клонимся к закату,
Оставим юный пыл страстей —
Вы старшей дочери своей,
Я своему меньшому брату:
Им можно с жизнию шалить
И слезы впредь себе готовить;
Еще пристало им любить,
А нам уже пора злословить.

ЭПИГРАММА

НА А. А. ДАВЫДОВУ

Оставя честь судьбе на произвол,
Давыдова, живая жертва фурий,
От малых лет любила чуждый пол.
И вдруг беда! казнит ее Меркурий,
Раскаяться приходит ей пора,
Она лежит, глаз пухнет понемногу,
Вдруг лопнул он; что ж дама? — «Слава богу!
Всё к лучшему: вот . . . . »

ПРИЯТЕЛЮ

Не притворяйся, милый друг,
Соперник мой широкоплечий!
Тебе не страшен лиры звук,
Ни элегические речи.
Дай руку мне: ты не ревнив,
Я слишком ветрен и ленив,
Твоя красавица не дура;
Я вижу всё и не сержусь:
Она прелестная Лаура,
Да я в Петрарки не гожусь.

ХРИСТОС ВОСКРЕС

Христос воскрес, моя Ревекка!
Сегодня следуя душой
Закону бога-человека,
С тобой целуюсь, ангел мой.
А завтра к вере Моисея
За поцелуй я не робея
Готов, еврейка, приступить —
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного еврея
От православных отличить.

ЧИНОВНИК И ПОЭТ

«Куда вы? за город конечно,
Зефиром утренним дышать
И с вашей музою мечтать
Уединенно и беспечно?»
— Нет, я сбираюсь на базар,
Люблю базарное волненье,
Скуфьи жидов, усы болгар
И спор и крик, и торга жар,
Нарядов пестрое стесненье.
Люблю толпу, лохмотья, шум —
И жадной черни лай свободный.
«Так — наблюдаете — ваш ум
И здесь вникает в дух народный.
Сопровождать вас рад бы я,
Чтоб слышать ваши замечанья;
Но службы долг зовет меня,
Простите, нам не до гулянья».
— Куда ж? —
«В острог — сегодня мы
Выпровождаем из тюрьмы
За молдаванскую границу
. . . . Кирджали».

АЛЕКСЕЕВУ

Мой милый, как несправедливы
Твои ревнивые мечты:
Я позабыл любви призывы
И плен опасной красоты;
Свободы друг миролюбивый,
В толпе красавиц молодых,
Я, равнодушный и ленивый,
Своих богов не вижу в них.
Их томный взор, приветный лепет
Уже не властны надо мной.
Забыло сердце нежный трепет
И пламя юности живой.
Теперь уж мне влюбиться трудно,
Вздыхать неловко и смешно,
Надежде верить безрассудно,
Мужей обманывать грешно.
Прошел веселый жизни праздник.
Как мой задумчивый проказник,
Как Баратынский, я твержу:
«Нельзя ль найти подруги нежной?
Нельзя ль найти любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя счастья призрак ложный,
Без упоительных страстей,
Я стал наперсник осторожный
Моих неопытных друзей.

Когда любовник исступленный,
Тоскуя, плачет предо мной
И для красавицы надменной
Клянется жертвовать собой;
Когда в жару своих желаний
С восторгом изъясняет он
Неясных, темных ожиданий
Обманчивый, но сладкий сон
И, крепко руку сжав у друга,
Клянет ревнивого супруга
Или докучливую мать,—
Его безумным увереньям
И поминутным повтореньям
Люблю с участием внимать;
Я льщу слепой его надежде,
Я молод юностью чужой
И говорю: так было прежде
Во время оно и со мной.

ЭПИГРАММА

Лечись — иль быть тебе Панглосом,
Ты жертва вредной красоты —
И то-то, братец, будешь с носом,
Когда без носа будешь ты.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Добра чужого не желать
Ты, боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих ты знаешь —
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На всё спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти,—
О боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга.
Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?
Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю.

Князь Г.— со мною не знаком.
Я не видал такой негодной смеси;
Составлен он из подлости и спеси,
Но подлости побольше спеси в нем.
В сраженьи трус, в трактире он бурлак,
В передней он подлец, в гостиной он дурак.

Наперсница моих сердечных дум,
О ты, чей глас приятный и небрежный
Смирял порой страстей порыв мятежный
И веселил порой унылый ум,
О верная, задумчивая лира
. . . .

Я не люблю твоей Корины,
Скучны любезности картины.
В ней только слезы да печаль
И фразы госпожи де Сталь.
Милее мне живая младость,
Рассудок с сердцем пополам,
Приятной лести жар и сладость,
И смелость едких эпиграм,
Веселость шуток и рассказов,
Воображенье, ум и вкус,
И для того, мой Безобразов,
К тебе . . . .

К. Н. БАТЮШКОВ.

1787—1855.

Рисунок художника О. Кипренского. 1815 г.

Раззевавшись от обедни,
К Катакази еду в дом.
Что за греческие бредни,
Что за греческий содом!
Подогнув . . . . ноги,
За вареньем, средь прохлад,
Как египетские боги,
Дамы преют и молчат.

«Признаюсь пред всей Европой,—
Хромоногая кричит:—
Маврогений . . . .
Душу, сердце мне томит.
Муж! вотще карманы грузно
Ты набил в семье моей.
И вотще ты пятишь гузно,
Маврогений мне милей».

Здравствуй, круглая соседка!
Ты бранчива, ты скупа,
Ты неловкая кокетка,
Ты плешива, ты глупа.
Говорить с тобой нет мочи —
Всё прощаю! бог с тобой;
Ты с утра до темной ночи
Рада в банк играть со мной.

Вот еврейка с Тадарашкой.
Пламя пышет в подлеце,
Лапу держит под рубашкой,
Рыло на ее лице.
Весь от ужаса хладею:
Ах, еврейка, бог убьет!
Если верить Моисею,
Скотоложница умрет!

Ты наказана сегодня,
И тебя пронзил Амур,
О чувствительная сводня,
О краса молдавских дур.
Смотришь: каждая девица
Пред тобою с молодцом,
Ты ж одна, моя вдовица,
С указательным перстом.

Ты умна, велеречива,
Кишиневская Жанлис,
Ты бела, жирна, шутлива,
Пучеокая Тарсис.
Не хочу судить я строго,
Но к тебе не льнет душа —
Так послушай, ради бога,
Будь глупа, да хороша.

Недавно бедный музульман
В Юрзуфе жил с детьми, с женою;
Душевно почитал священный Алькоран
И счастлив был своей судьбою;
Мехмет (так звался он) прилежно целый день
Ходил за ульями, за стадом
И за домашним виноградом,
Не зная, что такое лень;
Жену свою любил — Фатима это знала,
И каждый год ему детей она рожала —
По-нашему, друзья, хоть это и смешно,
Но у татар уж так заведено.—
Фатима раз — (она в то время
Несла трехмесячное бремя,—
А каждый ведает, что в эти времена
И даже самая степенная жена
Имеет прихоти то эти, то другие,
И, боже упаси, какие!)
Фатима говорит умильно муженьку:
«Мой друг, мне хочется ужасно каймаку.
Теряю память я, рассудок,
Во мне так и горит желудок;
Я не спала всю ночь — и посмотри, душа,
Сегодня, верно, я совсем нехороша.
Всего мне должно опасаться:
Не смею даже почесаться,

Чтоб крошку не родить с сметаной на носу —
Такой я муки не снесу.
Любезный, миленький, красавец, мой дружочек,
Достань мне каймаку хоть крохотный кусочек».
Мехмет разнежился, собрался, завязал
В кушак тарелку жестяную;
Детей благословил, жену поцеловал
И мигом в ближнюю долину побежал,
Чтобы порадовать больную.
Не шел он, а летел — зато в обратный путь
Пустился по горам, едва, едва шагая;
И скоро стал искать, совсем изнемогая,
Местечка, где бы отдохнуть.
По счастью, на конце долины
Увидел он ручей,
Добрел до берегов и лег в тени ветвей.
Журчанье вод, дерев вершины,
Душистая трава, прохладный бережок,
И тень, и легкий ветерок —
Всё нежило, всё говорило:
«Люби иль почивай!» — Люби! таких затей
Мехмету в ум не приходило,
Хоть он и мог.— Но спать! вот это мило —
Благоразумней и верней.—
За то Мехмет, как царь, уснул в долине;
Положим, что царям приятно спать дано
Под балдахином на перине,
Хоть это, впрочем, мудрено.

ВЯЗЕМСКОМУ

Язвительный поэт, остряк замысловатый,
И блеском колких слов, и шутками богатый,
Счастливый Вяземский, завидую тебе.
Ты право получил, благодаря судьбе,
Смеяться весело над злобою ревнивой,
Невежество разить анафемой игривой.

Эллеферия, пред тобой
Затмились прелести другие,
Горю тобой, я вечно твой,
Я твой на век, Эллеферия!

Тебя пугает света шум,
Придворный блеск . . . . неприятен;
Люблю твой пылкий, правый ум.
И сердцу голос твой понятен.

На юге, в мирной темноте
Живи со мной, Эллеферия,
Твоей . . . . . . красоте
Вредна холодная Россия.

Примите новую тетрадь,
Вы, юноши, и вы, девицы,—
Не веселее ль вам читать
Игривой музы небылицы,
Чем пиндарических похвал
Высокопарные страницы
Иль усыпительный журнал,
Который был когда-то в моде,
А нынче так тяжел и груб,—
Который вопреки природе
Быть хочет зол и только глуп.

О вы, которые любили
Парнаса тайные цветы
И своевольные мечты
Вниманьем слабым наградили,
Спасите труд небрежный мой —
Под сенью своего покрова
От рук невежества слепого,
От взоров зависти косой.
Картины, думы и рассказы
Для вас я вновь перемешал,
Смешное с важным сочетал
И бешеной любви проказы
В архивах ада отыскал...

Если с нежной красотой
Вы чувствительны душою,
Если горести чужой
Вам ужасно быть виною,
Если тяжко помнить вам
Жертву тайного страданья —
Не оставлю сим листам
Моего воспоминанья.

ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов;
С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыль.

Я слушаю тебя и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный снова пламенею
Воспоминаньем прежних дней.

Я всё люблю язык страстей,
Его пленительные звуки
Приятны мне, как глас друзей
Во дни печальные разлуки.

Вот муза, резвая болтунья,
Которую ты столь любил.
Раскаялась моя шалунья,
Придворный тон ее пленил;
Ее всевышний осенил
Своей небесной благодатью —
Она духовному занятью
Опасной жертвует игрой.
Не удивляйся, милый мой,
Ее израильскому платью —
Прости ей прежние грехи
И под заветною печатью
Прими опасные стихи.

A son amant Eglé sans résistance
Avait cédé — mais lui pâle et perclus
Se démenait — enfin n'en pouvant plus
Tout essouffé tira ... sa révérance,—
«Monsieur,— Eglé d'un ton plein d'arrogance,
Parlez, Monsieur: pourquoi donc mon aspect
Vous glace-t-il? m'en direz vous la cause?
Est-ce dégoût?» — Mon dieu, c'est autre chose.—
«Excès d'amour?» — Non, excès de respect.

J'ai possédé maîtresse honnête.
Je la servais comme il lui faut,
Mais je n'ai point tourné de tête,—
Je n'ai jamais visé si haut.

Тадарашка в вас влюблен
  И для ваших ножек,
Говорят, заводит он
  Род каких-то дрожек.
Нам приходит не легко;
  Как неосторожно!
Ох! на дрожках далеко
  Вам уехать можно.

В твою светлицу, друг мой нежный,
Я прихожу в последний раз.
Любви счастливой, безмятежной
Делю с тобой последний час.
Вперед одна в надежде томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первых утренних лучей
Не жги свечей.

ОТРЫВКИ

* * *

Теснится средь толпы еврей сребролюбивый.
Под буркою казак, Кавказа властелин,
  Болтливый грек и турок молчаливый,
  И важный перс, и хитрый армянин —

* * *

Генерал не попал
. . . .
Но к обеду опоздал,
  И вздыхает Зоя.

* * *

во дни Дадона
Был монастырь, где чернецы
Без правила и без закона.

* * *

В беспечных радостях, в живом очарованьи,
О дни весны моей, вы скоро утекли.
Теките медленней в моем воспоминаньи

* * *

Одна черта руки моей,
Тебе довольно, друг мой нежный —

* * *

Над облаками скачут лани

* * *

Гостомыслову могилу грозную вижу...

Легконогие олени по лесу рыщут...

Есть надежда! верь, Вадим, народ натерпелся...

Он далече, далече плывет в печальном тумане...

* * *

Вдали тех пропастей глубоких,
Где в муках вечных и жестоких

Где слез во мраке льются реки,
Откуда изгнаны навеки
Надежда, мир, любовь и сон,
Где море адское клокочет,
Где, грешника внимая стон,
Ужасный сатана хохочет . . . .

ИЗ БАЙРОНА

Нет ветра — синяя волна
На прах Афин . . . . . катится;
. . . .
Высокая могила зрится.

* * *

Ведите же прежде телят вы к вымени . . . . . .
юницы.

1822

БАРАТЫНСКОМУ

ИЗ БЕССАРАБИИ

Сия пустынная страна
Священна для души поэта:
Она Державиным воспета
И славой русскою полна.
Еще доныне тень Назона
Дунайских ищет берегов;
Она летит на сладкий зов
Питомцев муз и Аполлона,
И с нею часто при луне
Брожу вдоль берега крутого;
Но, друг, обнять милее мне
В тебе Овидия живого.

ЕМУ ЖЕ

Я жду обещанной тетради:
Что ж медлишь, милый трубадур!
Пришли ее мне, Феба ради,
И награди тебя Амур.

ДРУЗЬЯМ

Вчера был день разлуки шумной,
Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При громе чаш, при звуке лир.

Так! Музы вас благословили,
Венками свыше осеня,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослепляя наших глаз,
Она не суетной работой,
Не резьбою пленяла нас;

Но тем одним лишь отличалась,
Что, жажду скифскую поя,
Бутылка полная вливалась
В ее широкие края.

Я пил — и думою сердечной
Во дни минувшие летал
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминал;

Меня смешила их измена:
И скорбь исчезла предо мной,
Как исчезает в чашах пена
Под зашипевшею струей.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне сбирается вещий Олег
　Отмстить неразумным хозарам,
Их села и нивы за буйный набег
　Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
　Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
　Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
　Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
　Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
　А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
　И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
   Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
   Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
   В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
   Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
   Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
   То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
   И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
   С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
   Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
   В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром,
    В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
    Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
    При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
    Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег,—
    Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё также ль легок его бег?
    Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
    И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
    Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
    С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у брега Днепра,
    Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

ТАВРИДА

Gib meine Jugend mir zurück!

Ты, сердцу непонятный мрак,
Приют отчаянья слепого,
Ничтожество! пустой призрак,
Не жажду твоего покрова!
Мечтанья жизни разлюбя,
Счастливых дней не знав от века,
Я всё не верую в тебя,
Ты чуждо мысли человека,
Тебя страшится гордый ум!
Так путник, с вышины внимая
Ручьев альпийских вечный шум
И взоры в бездну погружая,
Невольным ужасом томим,
Дрожит, колеблется: пред ним
Предметы движутся, темнеют,
В нем чувства хладные немеют,
Кругом оплота ищет он,
Всё мчится, меркнет, исчезает...
И хладный обморока сон
На край горы его бросает...
Конечно, дух бессмертен мой,
Но, улетев в миры иные,
Ужели с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,

И чужд мне будет мир земной?
Ужели там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,
Минутной жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я?

Любви! Но что же за могилой
Переживет еще меня?
Во мне бессмертна память милой,
Что без нее душа моя?
Зачем не верить вам, поэты?
Да, тени тайною толпой
От берегов печальной Леты
Слетаются на брег земной.
Они уныло посещают
Места, где жизнь была милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей...
Они, бессмертие вкушая,
В Элизий поджидают их,
Как в праздник ждет семья родная
Замедливших гостей своих...

Мечты поэзии прелестной,
Благословенные мечты!
Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы.

Так, если удаляться можно
Оттоль, где вечный свет горит,

Где счастье вечно непреложно,
Мой дух к Юрзуфу прилетит.
Счастливый край, где блещут воды,
Лаская пышные брега,
И светлой роскошью природы
Озарены холмы, луга,
Где скал нахмуренные своды
. . . .

Ты вновь со мною, наслажденье;
В душе утихло мрачных дум
Однообразное волненье!
Воскресли чувства, ясен ум.
Какой-то негой неизвестной,
Какой-то грустью полон я.
Одушевленные поля,
Холмы Тавриды, край прелестный,
Я снова посещаю вас,
Пью жадно воздух сладострастья
И будто слышу близкий глас
Давно затерянного счастья.
. . . .

За нею по наклону гор
Я шел дорогой неизвестной,
И примечал мой робкий взор
Следы ноги ее прелестной.
Зачем не смел ее следов
Коснуться жаркими устами
. . . .
. . . .
Нет, никогда средь бурных дней
Мятежной юности моей
Я не желал с таким волненьем

Лобзать уста младых Цирцей
И перси, полные томленьем.

. . . .

Один, один остался я.
Пиры, любовницы, друзья
Исчезли с легкими мечтами,
Померкла молодость моя
С ее неверными дарами.
Так свечи, в долгу ночь горев
Для резвых юношей и дев,
В конце безумных пирований
Бледнеют пред лучами дня.

. . . .

В. Ф. РАЕВСКОМУ

Не тем горжусь я, мой певец,
Что привлекать умел стихами
Вниманье пламенных сердец,
Играя смехом и слезами,

Не тем горжусь, что иногда
Мои коварные напевы
Смиряли в мыслях юной девы
Волненье страха и стыда,

Не тем, что у столба сатиры
Разврат и злобу я казнил,
И что грозящий голос лиры
Неправду в ужас приводил,

Что непреклонным вдохновеньем
И бурной юностью моей
И страстью воли и гоненьем
Я стал известен меж людей —

Иная, высшая награда
Была мне роком суждена —
Самолюбивых дум отрада!
Мечтанья суетного сна!..

. . . .

ГРЕЧАНКЕ

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей
И этой ножкою нескромной...
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи — когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальной стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине?
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой

Питать я пламя не хочу;
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно всё, что мило.

ИЗ ПИСЬМА
К Я. Н. ТОЛСТОМУ

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?
Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?
Всё те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
Попрежнему ль летят на зов
Свободы, лени и безделья?
В изгнаньи скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас:
Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна;
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.

Вновь слышу, верные поэты,
Ваш очарованный язык...
Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

В. Ф. РАЕВСКОМУ

Ты прав, мой друг — напрасно я презрел
Дары природы благосклонной.
Я знал досуг, беспечных муз удел,
И наслажденье лени сонной,

Красы лаис, заветные пиры,
И клики радости безумной,
И мирных муз минутные дары,
И лепетанье славы шумной.

Я дружбу знал — и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы,
И верил ей за чашей круговой
В часы веселий и свободы,

Я знал любовь, не мрачною тоской,
Не безнадежным заблужденьем,
Я знал любовь прелестною мечтой,
Очарованьем, упоеньем.

Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Уединенное волненье.

Но всё прошло! — остыла в сердце кровь,
В их наготе я ныне вижу
И свет, и жизнь, и дружбу, и любовь,
И мрачный опыт ненавижу.

Свою печать утратил резвый нрав,
Душа час от часу немеет;
В ней чувств уж нет. Так легкий лист дубрав
В ключах кавказских каменеет.

Разоблачив пленительный кумир,
Я вижу призрак безобразный.
Но что ж теперь тревожит хладный мир
Души бесчувственной и праздной?

Ужели он казался прежде мне
Столь величавым и прекрасным,
Ужели в сей позорной глубине
Я наслаждался сердцем ясным!

Что ж видел в нем безумец молодой,
Чего искал, к чему стремился,
Кого ж, кого возвышенной душой
Боготворить не постыдился!

Я говорил пред хладною толпой
Языком истины свободной,
Но для толпы ничтожной и глухой
Смешон глас сердца благородный.

Везде ярем, секира иль венец,
Везде злодей иль малодушный,
Тиран . . . . льстец
Иль предрассудков раб послушный.

ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встревожит:
Кто английский роман с французского преложит,
Тот оду сочинит, потея да кряхтя,
Другой трагедию напишет нам шутя —
До них нам дела нет; а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засни — а после подпишися.

Так, цензор мученик; порой захочет он
Ум чтеньем освежить; Руссо, Вольтер, Бюффон,

Державин, Карамзин манят его желанье,
А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля,
Да, связь утратя в них, ищи ее с начала,
Или вымарывай из тощего журнала
Насмешки грубые и площадную брань,
Учтивых остряков затейливую дань.

Но цензор гражданин, и сан его священный:
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов,
Не преступает сам начертанных уставов,
Закону преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя;
Полезной истине пути не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает.
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь
глазами;
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом.
Решил, а там поди, хоть на тебя проси.
Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе?
И если говорить задумают о деле,
То, славу русскую и здравый ум любя,

Сам государь велит печатать без тебя.
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы.
О варвар! кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между муз;
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца *Пиров*, столь чистый, благородный —
Ничто не трогает души твоей холодной.
На всё кидаешь ты косой, неверный взгляд.
Подозревая всё, во всем ты видишь яд.
Оставь, пожалуй, труд, нимало не похвальный:
Парнас не монастырь и не гарем печальный,
И право никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал.
Чего боишься ты? поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот не знаком тебе, мы знаем почему —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шутливых од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.
Но ты свое несешь, и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов не вредный человек.
Зачем себя и нас терзаешь без причины?
Скажи, читал ли ты *Наказ* Екатерины?
Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем

Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры;
Хемницер истину с улыбкой говорил,
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала —
И никому из них цензура не мешала.
Ты что-то хмуришься; признайся, в наши дни
С тобой не так легко б разделались они?
Кто ж в этом виноват? перед тобой зерцало:
Дней Александровых прекрасное начало.
Проведай, что в те дни произвела печать.
На поприще ума нельзя нам отступать.
Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел отечество назвать,
И в рабстве ползали и люди и печать?
Нет, нет! оно прошло, губительное время,
Когда невежества несла Россия бремя.
Где славный Карамзин снискал себе венец,
Там цензором уже не может быть глупец...
Исправься ж: будь умней и примирися с нами.

«Всё правда,— скажешь ты,— не стану
спорить с вами:
Но можно ль цензору по совести судить?
Я должен то того, то этого щадить.
Конечно, вам смешно — а я нередко плачу,
Читаю да крещусь, мараю наудачу —
На всё есть мода, вкус; бывало, например,

У нас в большой чести Бентам, Руссо, Вольтер,
А нынче и Милот попался в наши сети.
Я бедный человек; к тому ж жена и дети...»

Жена и дети, друг, поверь — большое зло:
От них всё скверное у нас произошло.
Но делать нечего; так если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно,
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.

ИНОСТРАНКЕ

На языке тебе невнятном
Стихи прощальные пишу,
Но в заблуждении приятном
Вниманья твоего прошу:
Мой друг, доколе не увяну,
В разлуке чувство погубя,
Боготворить не перестану
Тебя, мой друг, одну тебя.
На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимая.

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон.
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

Ф. Н. ГЛИНКЕ

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм.
Без слез оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь,
В моем изгнаньи позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны — если буду
Тобой оправдан, Аристид.

Недавно я в часы свободы
Устав наездника читал
И даже ясно понимал
Его искусные доводы;
Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога;
Но перевертывал листы
И — признаюсь — роптал на бога.
Я думал: ветреный певец,
Не сотвори себе кумира,
Перебесилась наконец
Твоя проказливая лира,
И, сердцем охладев навек,
Ты, видно, стал в угоду мира
Благоразумный человек!
О горе, молвил я сквозь слезы,
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный музою поэт,
Презрев и славу прежних лет,
И Бурцовой души угрозы!
И вдруг растрепанную тень
Я вижу прямо пред собою,
Пьяна, как в самый смерти день,
Столбом усы, виски горою,
Жестокий ментик за спиною
И кивер чудо набекрень.

АДЕЛИ

Играй, Адель,
Не знай печали;
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали;
Твоя весна
Тиха, ясна;
Для наслажденья
Ты рождена;
Час упоенья
Лови, лови!
Младые лета
Отдай любви
И в шуме света
Люби, Адель,
Мою свирель.

УЗНИК

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

Чугун кагульский, ты священ
Для русского, для друга славы —
Ты средь торжественных знамен
Упал горящий и кровавый,
Героев севера губя
. . . .

И. И ПУЩИН.
1798—1859.

Акварель художника Д. Соболевского. 1825 г.

НА А. А. ДАВЫДОВУ

Иной имел мою Аглаю
За свой мундир и черный ус,
Другой за деньги — понимаю,
Другой за то, что был француз,
Клеон — умом ее стращая,
Дамис — за то, что нежно пел.
Скажи теперь, мой друг Аглая,
За что твой муж тебя имел?

НА ЛАНОВА

Бранись, ворчи, болван болванов,
Ты не дождешься, друг мой Ланов,
Пощечин от руки моей.
Твоя торжественная рожа
На бабье гузно так похожа,
Что только просит киселей.

У Клариссы денег мало,
Ты богат — иди к венцу;
И богатство ей пристало,
И рога тебе к лицу.

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом
И не видался я
Давно с моим Орестом.
Спаситель молдаван,
Бахметьева наместник,
Законов провозвестник,
Смиренный Иоанн,
За то, что ясский пан,
Известный нам болван
Мазуркою, чалмою,
Несносной бородою —
И трус и грубиян —
Побит немножко мною,
И что бояр пугнул
Я новою тревогой,—
К моей канурке строгой
Приставил караул.
. . . . [1]

Невинной суеты,
А именно — мараю
Небрежные черты,

---

[1] Здесь нехватает четырех-пяти стихов.

Пишу карикатуры,—
Знакомых столько лиц,—
Восточные фигуры
. . . . . . кукониц
И их мужей рогатых,
Обритых и брадатых!

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ

Царь Никита жил когда-то
Праздно, весело, богато,
Не творил добра, ни зла,
И земля его цвела.
Царь трудился понемногу,
Кушал, пил, молился богу
И от разных матерей
Прижил сорок дочерей,
Сорок девушек прелестных,
Сорок ангелов небесных,
Милых сердцем и душой.
Что за ножка — боже мой,
А головка, темный волос,
Чудо — глазки, чудо — голос,
Ум — с ума свести бы мог.
Словом, с головы до ног
Душу, сердце всё пленяло.
Одного недоставало.
Да чего же одного?
Так, безделки, ничего.
Ничего иль очень мало,
Всё равно — недоставало.
Как бы это изъяснить,
Чтоб совсем не рассердить
Богомольной важной дуры,
Слишком чопорной цензуры?
Как быть?.. Помоги мне, бог!

У царевен между ног...
Нет, уж это слишком ясно
И для скромности опасно, —
Так иначе как-нибудь:
Я люблю в Венере грудь,
Губки, ножку особливо,
Но любовное огниво,
Цель желанья моего...
Что такое?.. Ничего!..
Ничего, иль очень мало...
И того-то не бывало
У царевен молодых,
Шаловливых и живых.
Их чудесное рожденье
Привело в недоуменье
Все придворные сердца.
Грустно было для отца
И для матерей печальных...
А от бабок повивальных
Как узнал о том народ —
Всякий тут разинул рот,
Ахал, охал, дивовался,
А иной, хоть и смеялся,
Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.
Царь созвал своих придворных,
Нянек, мамушек покорных —
Им держал такой приказ:
«Если кто-нибудь из вас
Дочерей греху научит,
Или мыслить их приучит,
Или только намекнет,
Что̀ у них недостает,
Иль двусмысленное скажет,

Или кукиш им покажет,—
То — шутить я не привык —
Бабам вырежу язык,
А мужчинам нечто хуже,
Что порой бывает туже».
Царь был строг, но справедлив,
А приказ красноречив;
Всяк со страхом поклонился,
Остеречься всяк решился,
Ухо всяк держал востро
И хранил свое добро.
Жены бедные боялись,
Чтоб мужья не проболтались;
Втайне думали мужья:
«Провинись, жена моя!»
(Видно, сердцем были гневны).
Подросли мои царевны.
Жаль их стало. Царь — в совет;
Изложил там свой предмет:
Так и так — довольно ясно,
Тихо, шопотом, негласно,
Осторожнее от слуг.
Призадумались бояры,
Как лечить такой недуг.
Вот один советник старый
Поклонился всем — и вдруг
В лысый лоб рукою брякнул
И царю он так вавакнул:
«О, премудрый государь!
Не взыщи мою ты дерзость,
Если про плотскую мерзость
Расскажу, что было встарь.
Мне была знакома сводня
(Где она? и чем сегодня?

Верно тем же, чем была).
Баба ведьмою слыла,
Всем недугам пособляла,
Немощь членов исцеляла.
Вот ее бы разыскать;
Ведьма дело всё поправит:
А что надо — то и вставит».
— «Так за ней сейчас послать! —
Восклицает царь Никита,
Брови сдвинувши сердито:
— Тотчас ведьму отыскать!
Если ж нас она обманет,
Чего надо не достанет,
На бобах нас проведет,
Или с умыслом солжет, —
Будь не царь я, а бездельник,
Если в чистый понедельник
Сжечь колдунью не велю:
И тем небо умолю».

Вот секретно, осторожно,
По курьерской подорожной
И во все земли концы
Были посланы гонцы.
Они скачут, всюду рыщут
И царю колдунью ищут.
Год проходит и другой —
Нету вести никакой.
Наконец один ретивый
Вдруг напал на след счастливый.
Он заехал в темный лес
(Видно, вел его сам бес),
Видит он: в лесу избушка,
Ведьма в ней живет, старушка.

Как он был царев посол,
То к ней прямо и вошел,
Поклонился ведьме смело,
Изложил царево дело:
Как царевны рождены
И чего все лишены.
Ведьма мигом всё смекнула...
В дверь гонца она толкнула,
Так примолвив: «Уходи
Поскорей и без оглядки,
Не то — бойся лихорадки...
Через три дня приходи
За посылкой и ответом,
Только помни — чуть с рассветом».
После ведьма заперлась,
Уголечком запаслась,
Трое суток ворожила,
Так что беса приманила.
Чтоб отправить во дворец,
Сам принес он ей ларец,
Полный грешными вещами,
Обожаемыми нами.
Там их было всех сортов,
Всех размеров, всех цветов,
Всё отборные, с кудрями...
Ведьма все перебрала,
Сорок лучших оточла,
Их в салфетку завернула
И на ключ в ларец замкнула,
С ним отправила гонца,
Дав на путь серебреца.
Едет он. Заря зарделась...
Отдых сделать захотелось,
Захотелось закусить,

Жажду водкой утолить:
Он был малый аккуратный,
Всем запасся в путь обратный.
Вот коня он разнуздал
И покойно кушать стал.
Конь пасется. Он мечтает,
Как его царь вознесет,
Графом, князем назовет.
Что же ларчик заключает?
Что царю в нем ведьма шлет?
В щелку смотрит: нет, не видно —
Заперт плотно. Как обидно!
Любопытство страх берет
И всего его тревожит.
Ухо он к замку приложит —
Ничего не чует слух;
Нюхает — знакомый дух...
Тьфу ты пропасть! что за чудо?
Посмотреть ей-ей не худо.
И не вытерпел гонец...
Но лишь отпер он ларец,
Птички — порх и улетели,
И кругом на сучьях сели
И хвостами завертели.
Наш гонец давай их звать,
Сухарями их прельщать:
Крошки сыплет — всё напрасно
(Видно кормятся не тем):
На сучках им петь прекрасно,
А в ларце сидеть зачем?
Вот тащится вдоль дороги,
Вся согнувшися дугой,
Баба старая с клюкой.
Наш гонец ей бухнул в ноги:

«Пропаду я с головой!
Помоги, будь мать родная!
Посмотри, беда какая:
Не могу их изловить!
Как же горю пособить?»
Вверх старуха посмотрела,
Плюнула и прошипела:
«Поступил ты хоть и скверно,
Но не плачься, не тужи...
Ты им только покажи —
Сами все слетят наверно».
«Ну, спасибо!» он сказал...
И лишь только показал —
Птички вмиг к нему слетели
И квартирой овладели.
Чтоб беды не знать другой,
Он без дальних отговорок
Тотчас их под ключ все сорок
И отправился домой.
Как княжны их получили,
Прямо в клетки посадили.
Царь на радости такой
Задал тотчас пир горой:
Семь дней сряду пировали,
Целый месяц отдыхали;
Царь совет весь наградил,
Да и ведьму не забыл:
Из кунсткамеры в подарок
Ей послал в спирту огарок
(Тот, который всех дивил),
Две ехидны, два скелета
Из того же кабинета...
Награжден был и гонец.
Вот и сказочки конец.

На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.

ОТРЫВКИ

* * *

Она . . . . . . подарила
. . . . первый сон,
И мысль об ней одушевила
Безвестной лиры первый звон —

* * *

Дай, Никита, мне одеться:
В митрополии звонят.

1823

ПТИЧКА

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И злачных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

*

Другой пускай поет героев и войну,
Я скромно возлюбил живую тишину
И, чуждый призраку блистательныя славы,
Вам, Царского Села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил безвестный музы друг
И песни мирные и сладостный досуг.

Н. И. ТУРГЕНЕВ.

1789—1871.

Литография с рисунка художника Антойэна.

Сегодня я поутру дома
И жду тебя, любезный мой.
Приди ко мне на рюмку рома,
Приди — тряхнем мы стариной.
Наш друг Тардиф, любимец Кома,
Поварни полный генерал,
Достойный дружбы и похвал
Ханжи, поэта, балагура,—
Тардиф, который Коленкура
И откормил, и обокрал,—
Тардиф, полицией гонимый
За неуплатные долги,—
Тардиф, умом неистощимый
На entre-mets, на пироги.

ЖАЛОБА

Ваш дед портной, ваш дядя повар,
А вы, вы модный господин,—
Таков об вас народный говор,
И дива нет — не вы один.
Потомку предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне.

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную и младость
Дремотой лени усыпил?
Взыграйте, ветры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплот —
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.

НОЧЬ

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви; текут полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются — и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя...
твоя!..

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг —
Давно ли тишины вкусил отрадный миг —
И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку — в нас сердца единой страстью
полны.
Для неба дальнего, для отдаленных стран
Оставим берега Европы обветшалой;
Ищу стихий других, земли жилец усталый;
Приветствую тебя, свободный океан.

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ

Проклятый город Кишинев!
Тебя бранить язык устанет.
Когда-нибудь на грешный кров
Твоих запачканных домов
Небесный гром конечно грянет,
И — не найду твоих следов!
Падут, погибнут, пламенея,
И пестрый дом Варфоломея,
И лавки грязные жидов:
Так, если верить Моисею,
Погиб несчастливый Содом.
Но с этим милым городком
Я Кишинев равнять не смею,
Я слишком с библией знаком,
И к лести вовсе не привычен.
Содом, ты знаешь, был отличен
Не только вежливым грехом,
Но просвещением, пирами,
Гостеприимными домами
И красотой нестрогих дев!
Как жаль, что ранними громами
Его сразил Еговы гнев!
В блистательном разврате света,
Хранимый богом человек,
И член верховного совета,
Провел бы я смиренно век

В Париже ветхого завета!
Но в Кишиневе, знаешь сам,
Нельзя найти ни милых дам,
Ни сводни, ни книгопродавца.—
Жалею о твоей судьбе!
Не знаю, придут ли к тебе
Под вечер милых три красавца;
Однако ж кое-как, мой друг,
Лишь только будет мне досуг,
Явлюся я перед тобою;
Тебе служить я буду рад —
Стихами, прозой, всей душою,
Но, Вигель — пощади мой зад!

Мое беспечное незнанье
Лукавый демон возмутил,
И он мое существованье
С своим навек соединил.
Я стал взирать его глазами,
Мне жизни дался бедный клад,
С его неясными словами
Моя душа звучала в лад.
Взглянул на мир я взором ясным
И изумился в тишине;
Ужели он казался мне
Столь величавым и прекрасным?
Чего, мечтатель молодой,
Ты в нем искал, к чему стремился,
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился?
И взор я бросил на людей,
Увидел их надменных, низких,
Жестоких ветреных судей,
Глупцов, всегда злодейству близких.
Пред боязливой их толпой,
Жестокой, суетной, холодной,
Смешон глас правды благородный,
Напрасен опыт вековой.

Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы вольный клич!
Стадам не нужен дар свободы,
Их должно резать или стричь,
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны,—
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,—
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистощимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать,— с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор,—
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,

Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

Изыде сеятель сеяти семена своя

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Кн. М. А. ГОЛИЦЫНОЙ

Давно об ней воспоминанье
Ношу в сердечной глубине,
Ее минутное вниманье
Отрадой долго было мне.
Твердил я стих обвороженный,
Мой стих, унынья звук живой,
Так мило ею повторенный,
Замеченный ее душой.
Вновь лире слез и тайной муки
Она с участием вняла —
И ныне ей передала
Свои пленительные звуки...
Довольно! в гордости моей
Я мыслить буду с умиленьем:
Я славой был обязан ей —
А может быть и вдохновеньем.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!. . . . .

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит попрежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

ИЗ ПИСЬМА к В. П. ГОРЧАКОВУ

Зима мне рыхлою стеною
К воротам заградила путь;
Пока тропинки пред собою
Не протопчу я как-нибудь,
Сижу я дома, как бездельник;
Но ты, душа души моей,
Узнай, что будет в понедельник,
Что скажет наш Варфоломей.

Л. ПУШКИНУ

Брат милый, отроком расстался ты со мной —
В разлуке протекли медлительные годы;
Теперь ты юноша — и полною душой
Цветешь для радостей, для света, для свободы.
Какое поприще открыто пред тобой,
Как много для тебя восторгов, наслаждений
И сладостных забот и милых заблуждений!
Как часто новый жар твою волнует кровь!
Ты сердце пробуешь в надежде торопливой,
Зовешь, вверяясь им, и дружбу и любовь.
. . . .

«Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий,
Внемли, боже кларосский, молению старца, погибнет
Ныне, ежели ты не предыдешь слепому вожатым».
Рек и сел на камне слепец утомленный.— Но следом
Три пастуха за ним, дети страны той пустынной,
Скоро сбежались на лай собак, их стада стерегущих.
Ярость уняв их, они защитили бессилие старца;
Издали внемля ему, приближались и думали: «Кто же
Сей белоглавый старик, одинокий, слепой — уж не бог ли?
Горд и высок; висит на поясе бедном простая
Лира, и голос его возмущает волны и небо».
Вот шаги он услышал, ухо клонит, смутясь, уж
Руки простер для моленья странник несчастный. «Не бойся,
Ежели только не скрыт в земном и дряхлеющем теле
Бог, покровитель Греции — столь величавая прелесть
Старость твою украшает,— вещали они незнакомцу; —
Если ж ты смертный — то знай, что волны тебя принесли
К людям . . . . дружелюбным».

М. Е. ЭЙХФЕЛЬДТ

Ни блеск ума, ни стройность платья
Не могут вас обворожить;
Одни двоюродные братья
Узнали тайну вас пленить!
Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня.
Одна моя надежда — Зоя:
Женюсь, и буду вам родня.
. . . .

Бывало в сладком ослепленье
Я верил избранным душам,
Я мнил — их тайное рожденье
Угодно властным небесам,
На них указывало мненье —
Едва приблизился я к ним
. . . .

Придет ужасный час... твои небесны очи
Покроются, мой друг, туманом вечной ночи,
Молчанье вечное твои сомкнет уста,
Ты навсегда сойдешь в те мрачные места,
Где прадедов твоих почиют мощи хладны.
Но я, дотоле твой поклонник безотрадный,
В обитель скорбную сойду я за тобой
И сяду близ тебя, печальный и немой,
У милых ног твоих — себе их на колена
Сложу — и буду ждать печально... но чего?
Чтоб силою . . . . мечтанья моего
. . . .

Вечерня отошла давно,
Но в кельях тихо и темно.
Уже и сам игумен строгий
Свои молитвы прекратил
И кости ветхие склонил,
Перекрестясь, на одр убогий.
Кругом и сон и тишина,
Но церкви дверь отворена;
Трепещет . . . . . . луч лампады
И тускло озаряет он
И темну живопись икон
И позлащенные оклады.

И раздается в тишине
То тяжкий вздох, то шопот важный,
И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод, глухой и влажный.

Стоят за клиросом чернец
И грешник — неподвижны оба —
И шопот их, как глас из гроба,
И грешник бледен, как мертвец.

Монах

Несчастный — полно, перестань,
Ужасна исповедь злодея!

Заплачена тобою дань
Тому, кто в мщеньи свирепея
Лукаво грешника блюдет —
И к вечной гибели ведет.
Смирись! опомнись! время, время,
. . . . покров
Я разрешу тебя — грехов
Сложи мучительное бремя.

Как наше сердце своенравно!
. . . . томимый вновь
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покорной,
В нее вливать огонь и яд.
Ты согласилась, негой влажной
Наполнился твой томный взор;
Твой вид задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговор
И то, что дозволяешь нежно,
И то, что запрещаешь мне,
Всё впечатлелось неизбежно
В моей сердечной глубине.

Туманский, Фебу и Фемиде
Полезно посвящая дни,
Дозором ездит по Тавриде
И проповедует Парни.

ОТРЫВКИ

Мой пленник вовсе не любезен —
Он хладен, скучен, бесполезен —
Всё так — но пленник мой не я.
. . . .
Напрасно . . . . славил,
Дидло плясать его заставил,
Мой пленник следственно не я.

* * *

Улыбка уст, улыбка взоров

* * *

Скажи — не я ль тебя заметил
В толпе застенчивых подруг,
Твой первый взор не я ли встретил,
Не я ли был твой первый друг?

* * *

Мадам Ризнич с римским носом,
С русской . . . . . . Рено.

1824 (Юг)

1

Недвижный страж дремал на царственном пороге,
Владыка севера один в своем чертоге
Безмолвно бодрствовал, и жребии земли
В увенчанной главе стесненные лежали,
Чредою выпадали
И миру тихую неволю в дар несли,—

2

И делу своему владыка сам дивился.
Се благо, думал он, и взор его носился
От Тибровых валов до Вислы и Невы,
От сарскосельских лип до башен Гибралтара:
Всё молча ждет удара,
Всё пало — под ярем склонились все главы.

3

«Свершилось! — молвил он.— Давно ль народы мира
Паденье славили великого кумира,
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

4

Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода,
И самовластие лишь север укрывал?

5

Давно ль — и где же вы, зиждители свободы?
Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу —
Вот Кесарь — где же Брут? О грозные витии,
Целуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу».

6

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
Повеял и затих, и вновь повеял мимо,
Владыку севера мгновенный хлад объял,
На царственный порог вперил, смутясь, он
очи —
Раздался бой полночи —
И се внезапный гость в чертог царя предстал.

7

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

8

Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,
Мучением покоя
В морях казненного по манию царей.

9

Нет, чудный взор его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый,
Как боевой перун, как молния сверкал;
Во цвете здравия и мужества и мощи,
Владыке полунощи
Владыка запада, грозящий, предстоял.

10

Таков он был, когда в равнинах Австерлица
Дружины севера гнала его десница,
И русский в первый раз пред гибелью бежал,
Таков он был, когда с победным договором
И с миром и с позором
Пред юным он царем в Тильзите предстоял.

ДАВЫДОВУ

Нельзя, мой толстый Аристип:
Хоть я люблю твои беседы,
Твой милый нрав, твой милый хрип,
Твой вкус и жирные обеды,
Но не могу с тобою плыть
К брегам полуденной Тавриды.
Прошу меня не позабыть,
Любимец Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отец
Немного тощей Энеиды
Пускался в море наконец,
Ему Гораций, умный льстец,
Прислал торжественную оду,
Где другу Августов певец
Сулил хорошую погоду.
Но льстивых од я не пишу;
Ты не в чахотке, слава богу:
У неба я тебе прошу
Лишь аппетита на дорогу.

ПРОЗЕРПИНА

Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат,
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла — и колесница
Уж к аиду их несет:
Мчатся, облаком одеты;
Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,

Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Цереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

Всё кончено: меж нами связи нет.
В последний раз обняв твои колени,
Произносил я горестные пени.
Всё кончено — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану вновь,
Тебя тоской преследовать не буду,
Прошедшее быть может позабуду —
Не для меня сотворена любовь.
Ты молода: душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты.

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустели алтари,
Свободы буря подымалась.

И вдруг нагрянула... Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.

И горд и наг пришел разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, всё стало тенью —
Всё было предано презренью,
Как ветру предан дольный прах.

КОРАБЛЮ

Морей красавец окриленный!
Тебя зову — плыви, плыви
И сохрани залог бесценный
Мольбам, надеждам и любви.
Ты, ветер, утренним дыханьем
Счастливый парус напрягай.
Волны незапным колыханьем
Ее груди не утомляй.

О боги мирные полей, дубров и гор,
  Мой Аполлон ваш любит разговор,
Меж вами я нашел и музу молодую,
Подругу дней моих невинную, простую,
Но чем-то милую — не правда ли, друзья?
И своенравная волшебница моя,
Как тихий ветерок иль пчелка золотая,
Иль беглый поцелуй, туда, сюда летая
. . . .

НА ВОРОНЦОВА

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

НА ВОРОНЦОВА

Певец-Давид был ростом мал,
Но повалил же Голиафа,
Который был и генерал,
И, положусь, не проще графа.

Приют любви, он вечно полн
Прохлады сумрачной и влажной,
Там никогда стесненных волн
Не умолкает гул протяжный.

1824 (Михайловское)

ИЗ ПИСЬМА К ВУЛЬФУ

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не Михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света;
Дни любви посвящены,
Ночью царствуют стаканы,
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

К ЯЗЫКОВУ

(Михайловское, 1824)

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью
Клянусь Овидиевой тенью:
Языков, близок я тебе.
Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой,
И возвратился б оживленный
Картиной беззаботных дней,
Беседой вольно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь.—
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни.
Услышь, поэт, мое призванье,
Моих надежд не обмани.
В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб

И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обнимет в сельском шалаше
Мой брат по крови, по душе,
Шалун, замеченный тобою;
И муз возвышенный пророк,
Наш Дельвиг всё для нас оставит.
И наша троица прославит
Изгнанья темный уголок.
Надзор обманем караульный,
Восхвалим вольности дары
И нашей юности разгульной
Пробудим шумные пиры,
Вниманье дружное преклоним
Ко звону рюмок и стихов,
И скуку зимних вечеров
Вином и песнями прогоним.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

Книгопродавец

Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новый умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...
О чем вздохнули так глубоко?
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал

И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья!..
Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шопот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом,
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой;
Так точно, в гордости немой,

От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец

Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлися по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов
И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шопот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил;
Но свет узнал и раскупил

Их сладкозвучные творенья.
И впрямь, завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;
Но сердце женщин славы просит:
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В младые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я, средь бури жизни шумной,
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображенье:

Не понимает нас оно,
И, признак бога, вдохновенье
Для них и чуждо и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,
Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идолов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унизил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?..

Книгопродавец

Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей,
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт

Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? какое дело свету?
Я всем чужой!.. душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженства знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,

М. Ф ОРЛОВ.

1788—1842.

Портрет работы художника Г. Ривенера. 1814 г

Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?.
. . . .
И что ж? Докучный стон любви.
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!..
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви!
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излиянья,
Как божеству, не нужно ей!..

Книгопродавец

Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт

Свободу.

Книгопродавец

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век — торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? — Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возраженье;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображенье;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся.

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей:
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещенье, иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

КОВАРНОСТЬ

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем;
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как, на тебя взор острый пригвоздя,
Качает он с презреньем головою,—
Не говори: «он болен, он дитя,
Он мучится безумною тоскою»;
Не говори: «неблагодарен он;
Он слаб и зол, он дружбы недостоин;
Вся жизнь его какой-то тяжкий сон»...
Ужель ты прав? Ужели ты спокоен?
Ах, если так, он в прах готов упасть,
Чтоб вымолить у друга примиренье.
Но если ты святую дружбы власть
Употреблял на злобное гоненье;
Но если ты затейливо язвил
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находил
В его тоске, рыданьях, униженье;
Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом;
Но если цепь ему накинул ты
И сонного врагу предал со смехом,
И он прочел в немой душе твоей
Всё тайное своим печальным взором,—
Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет
И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росою хладной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне быль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот взошла луна златая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла...
Всё мрачную тоску на душу мне наводит.
Далеко, там, луна в сиянии восходит;
Там воздух напоен вечерней теплотой;
Там море движется роскошной пеленой
Под голубыми небесами...
Вот время: по горе теперь идет она
К брегам, потопленным шумящими волнами;
Там, под заветными скалами,
Теперь она сидит печальна и одна...
Одна... никто пред ней не плачет, не тоскует;
Никто ее колен в забвеньи не целует;
Одна... ничьим устам она не предает
Ни плеч, ни влажных уст, ни персей белоснежных.

. . . .
. . . .
. . . .

Никто ее любви небесной не достоин.
Не правда ль; ты одна... ты плачешь... я спокоен;
. . . .
Но если . . . .

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ[1]

ПОСВЯЩЕНО П. А. ОСИПОВОЙ

I

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой[2]:

Нет, не покинул я тебя.
Кого же в сень успокоенья
Я ввел, главу его любя,
И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
Тебя пустынными водами?
Не я ль язык твой одарил
Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

II

О, жены чистые пророка,
От всех вы жен отличены:

Страшна для вас и тень порока.
Под сладкой сенью тишины
Живите скромно: вам пристало
Безбрачной девы покрывало.
Храните верные сердца
Для нег законных и стыдливых,
Да взор лукавый нечестивых
Не узрит вашего лица!

А вы, о гости Магомета,
Стекаясь к вечери его,
Брегитесь суетами света
Смутить пророка моего.
В пареньи дум благочестивых,
Не любит он велеречивых
И слов нескромных и пустых:
Почтите пир его смиреньем,
И целомудренным склоненьем
Его невольниц молодых [3].

III

Смутясь, нахмурился пророк,
Слепца послышав приближенье [4].
Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых:
Спокойно возвещай Коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,

Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его — по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды
И хлеб, и финик, и оливу,
Благословив его труды
И вертоград, и холм, и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом;
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

IV

С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный;
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую,
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.

Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его!

V

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой [5].

Зажег ты солнце во вселенной,
Да светит небу и земле,
Как лен, елеем напоенный,
В лампадном светит хрустале.

Творцу молитесь; он могучий:
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи;
Дает земле древесну сень.

Он милосерд: он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету,
И не падет с очей туман.

VI

Недаром вы приснились мне
В бою с обритыми главами,
С окровавленными мечами,
Во рвах, на башне, на стене.

Внемлите радостному кличу,
О дети пламенных пустынь!

Ведите в плен младых рабынь,
Делите бранную добычу!

Вы победили: слава вам,
А малодушным посмеянье!
Они на бранное призванье
Не шли, не веря дивным снам.

Прельстясь добычей боевою,
Теперь в раскаяньи своем
Рекут: возьмите нас с собою;
Но вы скажите: не возьмем.

Блаженны падшие в сраженьи:
Теперь они вошли в эдем
И потонули в наслажденьи,
Не отравляемом ничем.

VII

Восстань, боязливый:
В пещере твоей
Святая лампада
До утра горит.
Сердечной молитвой,
Пророк, удали
Печальные мысли,
Лукавые сны!
До утра молитву
Смиренно твори;
Небесную книгу
До утра читай!

VIII

Торгуя совестью пред бледной нищетою,
Не сыпь своих даров расчетливой рукою:

Ф. Н. ГЛИНКА.

1786—1880.

Литография с рисунка неизвестного художника.

Щедрота полная угодна небесам.
В день грозного суда, подобно ниве тучной,
О сеятель благополучный!
Сторицею воздаст она твоим трудам.

Но если, пожалев трудов земных стяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою завистливую длань —
Знай: все твои дары, подобно горсти пыльной,
Что с камня моет дождь обильный,
Исчезнут — господом отверженная дань.

IX

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладязь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладязь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих *нечестивых*, конечно, справедливо; но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице.

[2] В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добро-

детелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно.

[3] «Мой пророк, прибавляет Алла, вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться» и проч. Ревность араба так и дышит в сих заповедях.

[4] Из книги *Слепец*.

[5] Плохая физика; но зато какая смелая поэзия!

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает;
На девственных устах улыбка замирает.
Давно твоей иглой узоры и цветы
Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
Грустить. О, я знаток в девической печали;
Давно глаза мои в душе твоей читали.
Любви не утаишь: мы любим, и как нас,
Девицы нежные, любовь волнует вас.
Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
Красавец молодой с очами голубыми,
С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
Но знаю, знаю всё; и если захочу,
То назову его. Не он ли вечно бродит
Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
И долго вслед за ним незримая глядишь.
Никто на празднике блистательного мая,
Меж колесницами роскошными летая,
Никто из юношей свободней и смелей
Не властвует конем по прихоти своей.

ЧААДАЕВУ

К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья;
Здесь успокоена была
Вражда свирепой Эвмениды:
Здесь провозвестница Тавриды
На брата руку занесла;
На сих развалинах свершилось
Святое дружбы торжество,
И душ великих божество
Своим созданьем возгордилось.

. . . .

Чадаев, помнишь ли былое?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиленьи вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

Пускай увенчанный любовью красоты
В заветном золоте хранит ее черты
И письма тайные, награды долгой муки,
Но в тихие часы томительной разлуки
Ничто, ничто моих не радует очей,
И ни единый дар возлюбленной моей,
Святой залог любви, утеха грусти нежной —
Не лечит ран любви безумной, безнадежной.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

На скользком поприще Тимковского наследник!
Позволь обнять себя, мой прежний собеседник.
Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
Последних, жалких прав без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе немного крупно,
Потешил дерзости бранчивую свербежь —
Но извини меня: мне было невтерпеж.
Теперь в моей глуши журналы раздирая,
И бедной братии стишонки разбирая
(Теперь же мне читать охота и досуг),
Обрадовался я, по ним заметя вдруг
В тебе и правила, и мыслей образ новый!
Ура! ты заслужил венок себе лавровый
И твердостью души, и смелостью ума.
Как изумилася поэзия сама,
Когда ты разрешил по милости чудесной
Заветные слова *божественный, небесный*,
И ими назвалась (для рифмы) красота,
Не оскорбляя тем уж Господа Христа!
Но что же вдруг тебя, скажи, переменило
И нрава твоего кичливость усмирило?
Свои послания хоть очень я люблю,
Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою,
Но, подразнив тебя, я переменой сею

Приятно изумлен, гордиться не посмею.
Отнесся я к тебе по долгу моему;
Но мне ль исправить вас? Нет, ведаю, кому
Сей важной новостью обязана Россия.
Обдумав наконец намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленье восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил;
Осиротелого венца Екатерины
От хлада наших дней укрыл он лавр единый.
Он с нами сетовал, когда святой отец,
Омара да Гали прияв за образец,
В угодность господу, себе во утешенье,
Усердно задушить старался просвещенье.
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистых муз, спасая Бантыша,
И помогал ему Магницкий благородный,
Муж твердый в правилах, душою превосходный,
И даже бедный мой Кавелин-дурачок,
Креститель Галича, Магницкого дьячок.
И вот, за все грехи, в чьи пакостные руки
Вы были вверены, печальные науки!
Цензура! вот кому подвластна ты была!

Но полно: мрачная година протекла,
И ярче уж горит светильник просвещенья.
Я с переменою несчастного правленья
Отставки цензоров, признаться, ожидал,
Но сам не зная как, ты видно устоял.
Итак, я поспешил приятелей поздравить,
А между тем совет на память им оставить.

Будь строг, но будь умен. Не просят у тебя,
Чтоб, все законные преграды истребя,
Всё мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашим господам позволил самовластно.
Права свои храни по долгу своему.
Но скромной истине, но мирному уму
И даже глупости невинной и довольной
Не заграждай пути заставой своевольной.
И если ты в плодах досужного пера
Порою не найдешь великого добра,
Когда не видишь в них безумного разврата,
Престолов, алтарей и нравов супостата,
То, славы автору желая от души,
Махни, мой друг, рукой и смело подпиши.

КЛЕОПАТРА

Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир,
Все, Клеопатру славя хором,
В ней признавая свой кумир,
Шумя, текли к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась — и долу
Поникла дивною главой.

И пышный пир как будто дремлет,
И в ожиданьи всё молчит...
Но вновь она чело подъемлет
И с видом важным говорит:
«Внемлите мне: могу равенство
Меж вас и мной восстановить.
В моей любви для вас блаженство,
Блаженство можно вам купить:
Кто к торгу страстному приступит?
Свои я ночи продаю.
Скажите, кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою».

Она рекла. Толпа в молчаньи,
И всех в волнении сердца.
Но Клеопатра в ожиданьи
С холодной дерзостью лица:

«Я жду,— вещает,— что ж молчите?
Иль вы теперь бежите прочь?
Вас было много; приступите,
Торгуйте радостную ночь!»

И гордый взор она обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг — из рядов один выходит,
Вослед за ним и два других.
Смела их поступь, ясны очи.
Царица гордо восстает.
Свершилось: куплены три ночи...
И ложе смерти их зовет.

И снова гордый глас возвысила царица:
«Забыты мною днесь венец и багряница!
Простой наемницей на ложе восхожу;
Неслыханно тебе, Киприда, я служу,
И новый дар тебе ночей моих награда.
О боги грозные, внемлите ж, боги ада,
Подземных ужасов печальные цари!
Примите мой обет: до сладостной зари
Властителей моих последние желанья
И дивной негою и тайнами лобзанья,
Всей чашею любви послушно упою...
Но только сквозь завес во храмину мою
Блеснет Авроры луч — клянусь моей порфирой,
Главы их упадут под утренней секирой!»

Благословенные священною рукой,
Из урны жребии выходят чередой,
И первый Аргилай, клеврет Помпея смелый,
Изрубленный в боях, в походах поседелый.
Презренья хладного не снес он от жены

И гордо выступил, суровый сын войны,
На вызов роковых последних наслаждений,
Как прежде выступал на славный клик сраже-
ний.
Критон за ним, Критон, изнеженный мудрец,
Воспитанный под небом Арголиды,
От самых первых дней поклонник и певец
И пламенных пиров и пламенной Киприды.
Последний имени векам не передал,
Никем не знаемый, ничем не знаменитый;
Чуть отроческий пух, темнея, покрывал
Его стыдливые ланиты.
Огонь любви в очах его пылал,
Во всех чертах любовь изображалась —
Он Клеопатрою, казалося, дышал,
И молча долго им царица любовалась.

Тимковский царствовал — и все твердили вслух
Что в свете не найдешь ослов подобных двух.
Явился Бируков, за ним вослед Красовский:
Ну право, их умней покойный был Тимковский!

ГРАФУ ОЛИЗАРУ

Певец! издревле меж собою
Враждуют наши племена:
То наша стонет сторона,
То гибнет ваша под грозою.

И вы, бывало, пировали
Кремля позор и . . . . плен,
И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье ваших красных жен;
И наша дева молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага.

Но глас поэзии чудесной
Сердца враждебные дружит —

Перед улыбкою небесной
Земная ненависть молчит,
При сладких звуках вдохновенья,
При песнях . . . . лир...
И восстают благословенья,
На племена нисходит мир...

ИЗ ПИСЬМА К ПЛЕТНЕВУ

Ты издал дядю моего:
Творец опасного соседа
Достоин очень был того,
Хотя покойная Беседа
И не заметила его.—
Теперь издай меня, приятель,
Плоды пустых моих трудов,
Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель?

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышен арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он арап чернешенек,
А она-то душа белешенька.

Т — прав, когда так верно вас
Сравнил он с радугой живою:
Вы милы как она для глаз
И как она пременчивы душою;
И с розой сходны вы, блеснувшею весной:
Вы так же как она пред нами
Цветете пышною красой
И так же колетесь, бог с вами.
Но более всего сравнение с ключом
Мне нравится — я рад ему сердечно:
Да, чисты вы как он и сердцем и умом,
И холодней его конечно.
Сравненья прочие не столько хороши;
Поэт не виноват — сравненья не удобны.
Вы прелестью лица и прелестью души
К несчастью бесподобны.

Мне жаль великия жены,
Жены, которая любила
Все роды славы: дым войны
И дым парнасского кадила.
Мы Прагой ей одолжены
И просвещеньем и Тавридой,
И посрамлением Луны,
И мы . . . . . прозвать должны
Ее Минервой, Аонидой.
В аллеях Сарского села
Она с Державиным, с Орловым
Беседы мудрые вела —
. . . . чай пила...
С Делиньем — иногда с Барковым.
Старушка милая жила
Приятно и немного блудно,
Вольтеру первый друг была,
Наказ писала, флоты жгла,
И умерла, садясь на судно.
С тех пор . . . . мгла.
Россия, бедная держава,
Твоя удавленная слава
С Екатериной умерла.

Пока супруг тебя, красавицу младую,
Между шести других еще не заключил,—
Ходи к источнику могил
И черпай воду ключевую,
И думай, милая моя:
Как невозвратная струя
Блестит, бежит и исчезает —
Так жизни время убегает,
В гареме так исчезну я.

Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опиум чернил
Слюнею бешеной собаки.

Лихой товарищ наших дедов,
Он друг Венеры и пиров,
Он на обедах — бог обедов,
В своих садах — он бог садов.

Презрев и голос укоризны,
И зовы сладостных надежд,
Иду в чужбине прах отчизны
С дорожных отряхнуть одежд.
Умолкни, сердца шопот сонный,
Привычки давной слабый глас,
Прости, предел неблагосклонный,
Где свет узрел я в первый раз!
Простите, сумрачные сени,
Где дни мои текли в тиши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивых души.
Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца — о тебе.
В последний раз сожмем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта
. . . .
. . . . где-нибудь в волненьи света
Мой глас воспомни иногда

Умолкнет он под небом дальным
. . . . сне,

Один . . . . печальным
Угаснет в чуждой стороне.

Настанет . . . . . час желанный,
И благосклонный славянин
К моей могиле безымянной
. . . .

К САБУРОВУ

Сабуров, ты оклеветал
Мои гусарские затеи,
Как я с Кавериным гулял,
Бранил Россию с Молоствовым,
С моим Чадаевым читал,
Как, все заботы отклоня,
Провел меж ими год я круглый,
Но Зубов не прельстил меня
Своею . . . . смуглой.

МЛАДЕНЦУ

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья.

Да будут ясны дни твои,
Как милый взор твой ныне ясен.
Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой прекрасен.

Лизе страшно полюбить.
Полно, нет ли тут обмана?
Берегитесь — может быть,
Эта новая Диана
Притаила нежну страсть —
И стыдливыми глазами
Ищет робко между вами,
Кто бы ей помог упасть.

ИЗ ПИСЬМА К РОДЗЯНКЕ

Прости, украинский мудрец,
Наместник Феба и Приапа!
Твоя соломенная шляпа
Покойней, чем иной венец;
Твой Рим — деревня; ты мой папа,
Благослови ж меня, певец!

ПОСЛАНИЕ к Л. ПУШКИНУ

Что же? будет ли вино?
Лайон, жду его давно.
Знаешь ли какого рода?
У меня закон один:
Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин.
Погреб мой гостеприимный
Рад мадере золотой
И под пробкой смоляной
Сен Пере бутылке длинной.
В лета красные мои,
В лета юности безумной,
Поэтический *Аи*
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви!
. . . . . . вспомнил о поэте
И напененный бокал
Я тогда всему на свете,
Милый брат, предпочитал.

Ныне нет во мне пристрастья —
Без разбора за столом,
Друг разумный сладострастья,
Вина обхожу кругом.
Все люблю я понемногу —
Часто двигаю стакан,
Часто пью — но слава богу
Редко, редко лягу пьян.

С перегородкою коморки,
Довольно чистенькие норки,
В углу на полке образа,
Под ними вербная лоза
С иссохшей просвирой и свечкой
. . . .
Горшок с . . . . . . на окне,
Две канареечки над печкой —

ОТРЫВКИ

* * *

Он улыбался равнодушно,
Когда советы матерей...

* * *

Как узник, Байроном воспетый,
Вздохнул, оставя мрак тюрьмы

* * *

Слаб и робок человек,
Слеп умом — и всё тревожит

* * *

Иван-Царевич по лесам
И по полям и по горам
За бурым волком раз гонялся.

1825

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий дым
Виясь теряется с молением моим.
Уж перстня верного утратя впечатленье,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулися листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

НА ВОРОНЦОВА

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь, Риэго, был удавлен.
«Я очень рад, сказал усердный льстец:
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я. Но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

ПРИЯТЕЛЯМ

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданый, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.

СОВЕТ

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграмой.

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась Полярная Звезда.
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты.

ОДА
ЕГО СИЯТ. гр. Дм. Ив. ХВОСТОВУ

Султан ярится.[1] Кровь Эллады
И резвоскачет,[2] и кипит.
Открылись грекам древни клады,[3]
Трепещет в Стиксе лютый Пит.[4]
И се — летит продерзко судно
И мещет громы обоюдно.
Се Бейрон, Феба образец.
Притек, но недуг быстропарный,[5]
Строптивый и неблагодарный
Взнес смерти на него резец.

Певец бессмертный и маститый,
Тебя Эллада днесь зовет
На место тени знаменитой,
Пред коей Цербер днесь ревет.
Как здесь, ты будешь там сенатор,
Как здесь, почтенный литератор,
Но новый лавр тебя ждет там,
Где от крови земля промокла:
Перикла лавр, лавр Фемистокла;
Лети туда, Хвостов наш! сам.

Вам с Бейроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!

Се, мнится, явно сходство есть.—
Никак! Ты с верною супругой [6]
Под бременем судьбы упругой
Живешь в любви — и наконец
Глубок он, но единобразен,
А ты глубок, игрив и разен,
И в шалостях ты впрям певец.

А я, неведомый пиита,
В восторге новом воспою
Во след пиита знаменита
Правдиву похвалу свою,
Моляся кораблю бегущу,
Да Бейрона он узрит кущу, [7]
И да блюдут твой мирный сон [8]
Нептун, Плутон, Зевс, Цитерея,
Гебея, Псиша, Крон, Астрея,
Феб, Игры, Смехи, Вакх, Харон.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подражание г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

[2] Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером в стихотворном его письме к г. Грибоедову.

[3] Под словом *клады* должно разуметь правдивую ненависть нынешних Леонидов, Ахиллесов и Мильтиадов к жестоким чалмоносцам.

[4] Г. Питт, знаменитый английский министр и известный противник свободы.

[5] Горячка.

[6] Графиня А. И. Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститого нашего певца. Во многочисленных своих стихотворениях везде называет он ее Темирою (см. последн. замеч. к оде: «Заздравный кубок»).

[7] Подражание его высокопр. действ. тайн. сов. Ив. Ив. Дмитриеву, знаменитому другу гр. Хвостова:

К тебе я руки простирал
Уже из отческия кущи,
Взирая на суда бегущи.

[8] Здесь поэт, увлекаясь воображением, видит уже великого нашего лирика, погруженного в сладкий сон и приближающегося к берегам благословенной Эллады. Нептун усмиряет пред ним продерзкие волны; Плутон исходит из преисподней бездны, дабы узреть того, кто ниспошлет ему в непродолжительном времени богатую жатву теней поклонников Лже-пророка; Зевес улыбается ему с небес; Цитерея (Венера) осыпает цветами своего любимого певца; Геба подъемлет кубок за здравие его; Психа, в образе Иполита Богдановича, ему завидует; Крон удерживает косу, готовую разить; Астрея предчувствует возврат своего царствования; Феб ликует; Игры, Смехи, Вакх и Харон веселою толпою следуют за судном нашего бессмертного пииты.

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА!

Как! жив еще Курилка журналист? —
— Живёхонек! всё так же сух и скучен,
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Всё тискает в свой непотребный лист
И старый вздор, и вздорную новинку.—
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет.— Да... плюнуть на него.

КОЗЛОВУ

Певец! когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На всё минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им.
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки;
Тебе он создал новый мир,
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды —
Недаром темною стезёй
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

Когда, любовию и негой упоенный,
Безмолвно пред тобой коленопреклоненный,
Я на тебя глядел и думал: ты моя,—
Ты знаешь, милая, желал ли славы я;
Ты знаешь: удален от ветреного света,
Скучая суетным прозванием поэта,
Устав от долгих бурь, я вовсе не внимал
Жужжанью дальному упреков и похвал.
Могли ль меня молвы тревожить приговоры,
Когда, склонив ко мне томительные взоры
И руку на главу мне тихо наложив,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?
Другую, как меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой друг, меня не позабудешь?
А я стесненное молчание хранил,
Я наслаждением весь полон был, я мнил,
Что нет грядущего, что грозный день разлуки
Не придет никогда... И что же? Слезы, муки,
Измены, клевета, всё на главу мою
Обрушилося вдруг... Что я, где я? Стою,
Как путник, молнией постигнутый в пустыне,
И всё передо мной затмилося! И ныне
Я новым для меня желанием томим:
Желаю славы я, чтоб именем моим
Твой слух был поражен всечасно, чтоб ты мною

Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб, гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья
В саду, во тьме ночной, в минуту разлученья.

EX UNGUE LEONEM

Недавно я стихами как-то свистнул
И выдал их без подписи моей;
Журнальный шут о них статейку тиснул,
Без подписи ж пустив ее, злодей.
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту
Не удалось прикрыть своих проказ:
Он по когтям узнал меня в минуту,
Я по ушам узнал его как раз.

П. А. О***

Быть может, уж недолго мне
В изгнаньи мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи —
Храни меня, мой талисман.

В уединеньи чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пускай же в век сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

ПОСВЯЩЕНО Н. Н. РАЕВСКОМУ

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира,
Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет. [1]

Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство*!
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет,— не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд

Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой,—
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Всё ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою главу подымет за власы
Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где провождали
Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заране назначали.
Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни, [2]
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва

Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой недозрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами
Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и *Узница* моя, [3]
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовию, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Всё вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом, и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспалясь,

Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гневе;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала,—
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.
Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...
О, нет!
Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных; [4]
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!

Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепенелой,
Ты смело им обоим руку дал,
И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелый.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.
Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.
И всё покоилось. Лампады тихий свет
Бледнел пред утренней зарею,
И утро веяло в темницу. И поэт
К решотке поднял важны взоры...
Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!
Звучат ключи, замки, запоры.
Зовут... Постой, постой; день только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа. [5]
Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует. [6]
Вот плаха. Он взошел. Он славу именует... [7]
Плачь, муза, плачь!..

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.

(V. Les derniers vers d'André Chénier.)

[2] *У Авеля, у Фанни.*

Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I): один из друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

[3] *И Узница моя.*

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

[4] Voyez ses ïambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre.— On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

[5] Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера.

[6] На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

[7] На месте казни он ударил себя в голову и сказал: pourtant j'avais quelque chose là.

К РОДЗЯНКЕ

Ты обещал о романтизме,
О сем парнасском афеизме,
Потолковать еще со мной,
Полтавских муз поведать тайны,
А пишешь мне об *ней* одной...
Нет, это ясно, милый мой,
Нет, ты влюблен, Пирон Украйны!

Ты прав: что может быть важней
На свете женщины прекрасной?
Улыбка, взор ее очей
Дороже злата и честей,
Дороже славы разногласной...
Поговорим опять об *ней*.

Хвалю, мой друг, ее охоту,
Поотдохнув, рожать детей,
Подобных матери своей;
И счастлив, кто разделит с ней
Сию приятную заботу:
Не наведет она зевоту,
Дай бог, чтоб только Гименей
Меж тем продлил свою дремоту.

Но не согласен я с тобой,
Не одобряю я развода!

Во-первых, веры долг святой,
Закон и самая природа...
А во-вторых, замечу я,
Благопристойные мужья
Для умных жен необходимы:
При них домашние друзья
Иль чуть заметны, иль незримы.
Поверьте, милые мои,
Одно другому помогает,
И солнце брака затмевает
Звезду стыдливую любви.

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

ЖЕНИХ

Три дня купеческая дочь
  Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
  Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
  Наташа их не слышит,
  Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
  И долго приступали,
И отступились наконец,
  А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
  Опять пошла с сестрами
  Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
  С подружками своими,
Сидела девица — и вот
  Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,
  В санях он стоя правит
  И гонит всех, и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
  Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
  Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
«Он! он! узнала! — говорит,—
  Он, точно он! держите,
  Друзья мои, спасите!»

Печально слушает семья,
  Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
  Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
  Наташа плачет снова.
  И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
  Нежданная приходит.
Наташу хвалит, разговор
  С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
  И статный, и проворный,
  Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем
  Не кланяется в пояс,
А как боярин между тем
  Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,

И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом,
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен,— говорит отец; —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не всё косатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет и хохочет.
В смятеньи сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.

Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
  На славу мед варите,
  Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
  Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир горой;
  Пекут, варят на славу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
  Поют подружки, плачут,
  А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол.
  Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
  Всё шумно, гости пьяны.

Жених

«А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
  Не пьет, не ест, не служит:
  О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
  «Откроюсь на удачу.
Душе моей покоя нет,
  И день, и ночь я плачу.
Недобрый сон меня крушит».
Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
  Скажи нам, что такое,
  Дитя мое родное?»

«Мне снилось,— говорит она,—
  Зашла я в лес дремучий,

И было поздно; чуть луна
  Светила из-за тучи;
С тропинки сбилась я: в глуши
Не слышно было ни души,
  И сосны лишь да ели
  Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
  Изба передо мною.
Я к ней, стучу — молчат. Зову —
  Ответа нет; с мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
В избе свеча горит; гляжу —
  Везде сребро да злато,
  Всё светло и богато».

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
  Знать жить тебе богато».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
  На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу
  Я молча любовалась
  И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
  Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп,
  И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...

Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая.
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшой,
По леву голубица
Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон,
Разгульное похмелье...»

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, ни ест, ни пьет
И током слезы точит,
А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу,
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну это,— говорит жених,—
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих,
Поверь, душа-девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?»
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит бледнея;
Смутились гости.— Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен,
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

Н. Н.

Примите «Невский Альманах».
Он мил и в прозе, и в стихах:
Вы тут найдете Полевого,
Великопольского, Хвостова;
Княжевич, дальный ваш родня,
Украсил также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули в Лету.
Что слава мира?.. дым и прах!
Ах, сердце ваше мне дороже!..
Но, кажется, мне трудно тоже
Попасть и в этот альманах.

САФО

Счастливый юноша, ты всем меня пленил:
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на брегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской перекличке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастие куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальный сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!

ДВИЖЕНИЕ

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

БЕРЕГ МОРЯ. ФАУСТ И МЕФИСТОФЕЛЬ.

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?
Таков вам положен предел,
Его ж никто не преступает.
Вся тварь разумная скучает:
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!
Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь
Ты доказательством рассудка.

В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновение души.
Я психолог... о вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над Виргилием дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но — помнится — тогда со скуки,
Как арлекина, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.—
Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.
Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Фауст

Перестань,
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знаньи жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь

Бессмысленна, как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

Мефистофель

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Фауст

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там — где тень, где шум древесный,
Где сладко-звонкие струи —
Там, на груди ее прелестной
Покоя томную главу,
Я счастлив был...

Мефистофель

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.
Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Как вы вдвоем — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой

Уж погружался в размышленье
(А доказали мы с тобой,
Что размышленье — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Чтó думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Фауст

Говори. Ну, что?

Мефистофель

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал!
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал! —
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем: —
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решась на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключенье...

Фауст

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

Мефистофель

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Фауст

Всё утопить.

Мефистофель

Сейчас.

(Исчезает)

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой по утру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет.
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

В крови горит огонь желанья,
Душа тобой уязвлена,
Лобзай меня: твои лобзанья
Мне слаще мирра и вина.
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный,
Пока дохнет веселый день
И двигнется ночная тень.

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые;
У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

БУРЯ

Ты видел деву на скале
В одежде белой над волнами,
Когда, бушуя в бурной мгле,
Играло море с берегами,
Когда луч молний озарял
Ее всечасно блеском алым,
И ветер бился и летал
С ее летучим покрывалом?
Прекрасно море в бурной мгле
И небо в блесках без лазури;
Но верь мне: дева на скале
Прекрасней волн, небес и бури.

Люблю ваш сумрак неизвестный
И ваши тайные цветы,
О вы, поэзии прелестной
Благословенные мечты!
Вы нас уверили, поэты,
Что тени легкою толпой
От берегов холодной Леты
Слетаются на брег земной
И невидимо навещают
Места, где было всё милей,
И в сновиденьях утешают
Сердца покинутых друзей;
Они, бессмертие вкушая,
Их поджидают в Элизей,
Как ждет на пир семья родная
Своих замедливших гостей...

Но, может быть, мечты пустые —
Быть может, с ризой гробовой
Все чувства брошу я земные,
И чужд мне будет мир земной;
Быть может, там, где всё блистает
Нетленной славой и красой,
Где чистый пламень пожирает
Несовершенство бытия,

Минутных жизни впечатлений
Не сохранит душа моя,
Не буду ведать сожалений,
Тоску любви забуду я?..

ПРОЗАИК И ПОЭТ

О чем, прозаик, ты хлопочешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я завострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

Хотя стишки на именины
Натальи, Софьи, Катерины
Уже не в моде, может быть;
Но я, ваш обожатель верный,
Я в знак послушности примерной
Готов и ими вам служить.
Но предаю себя проклятью,
Когда я знаю, почему
Вас окрестили *благодатью!*
Нет, нет, по мненью моему,
И ваша речь, и взор унылый,
И ножка (смею вам сказать) —
Всё это чрезвычайно мило,
Но пагуба, не благодать.

Что с тобой, скажи мне, братец?
Бледен ты как святотатец,
Волоса стоят горой!
Или с девой молодой
Пойман был ты у забора,
И, приняв тебя за вора,
Сторож гнался за тобой?
Иль смущен ты привиденьем,
Иль за тяжкие грехи,
Мучась диким вдохновеньем,
Сочиняешь ты стихи?

С ПОРТУГАЛЬСКОГО

Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела.
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало.

И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее,
Розы утренней свежее.

На постеле пуховой,
Дева сонною рукой
Протирала томны очи,
Удаляя грезы ночи.

Лишь ее завижу я,
Мнилось, легче вкруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился.

Меж овец деревни всей
Я красавицы моей
Знал любимую овечку —
Я водил ее на речку.

На тенистые брега,
На зеленые луга;

Я поил ее, лелеял,
Перед ней цветы я сеял.

Дева издали ко мне
Приближалась в тишине,
Я, прекрасную встречая,
Пел гитарою бряцая:

«Девы, радости моей,
Нет! на свете нет милей!
Кто посмеет под луною
Спорить в счастии со мною?

Не завидую царям,
Не завидую богам,
Как увижу очи томны,
Тонкий стан и косы темны».

Так певал бывало ей,
И красавицы моей
Сердце песнью любовалось;
Но блаженство миновалось.

Где ж красавица моя!
Одинокий плачу я —
Заменили песни нежны
Стон и слезы безнадежны.

НАЧАЛО I ПЕСНИ «ДЕВСТВЕННИЦЫ»

Я не рожден святыню славословить,
Мой слабый глас не взыдет до небес;
Но должен я вас ныне приготовить
К услышанью Иоанниных чудес.
Она спасла французские лилеи.
В боях ее девической рукой
Поражены заморские злодеи.
Могучею блистая красотой,
Она была под юбкою герой.
Я признаюсь — вечернею порой
Милее мне смиренная девица —
Послушная, как агнец полевой;
Иоанна же была душою львица,
Среди трудов и бранных непогод
Являлася всех витязей славнее
И, что всего чудеснее, труднее,
Цвет девственный хранила круглый год.

О ты, певец сей чудотворной девы,
Седой певец, чьи хриплые напевы,
Нестройный ум и бестолковый вкус
В былые дни бесили нежных муз,
Хотел бы ты, о стихотворец хилый,
Почтить меня скрыпицею своей,
Да не хочу. Отдай ее, мой милый,
Кому-нибудь из модных рифмачей.

Твое соседство нам опасно,
Хоть мило, может быть, оно —
Так утверждаю не напрасно
И доказать не мудрено.
Твой дом, учтивая беседа
И шутки с желчью пополам
Напоминают живо нам
И впрямь Опасного соседа.

НА Ф. Н. ГЛИНКУ

Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт Фита, не становись Фертом!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

Quand au front du convive, au beau sein de Délie
La rose éblouissante a terminé sa vie

Soudain se détachant de sa tige natale
Comme un léger soupir sa douce âme s'exhale,
Aux rives Elysées ses mânes parfumés
Vont charmer du Lethé les bords inanimés.

Лишь розы увядают,
Амврозией дыша,
В Элизий улетает
Их легкая душа.

И там, где волны сонны
Забвение несут,
Их тени благовонны
Над Летою цветут.

НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ

I

«Скажи, какие заклинанья
Имеют над тобою власть?»
— Все хороши: на все призванья
Готов я как бы с неба пасть.
Довольно одного желанья —
Я, как догадливый холоп,
В ладони по-турецки хлоп,
Присвистни, позвони, и мигом
Являюсь. Что делать — я служу,
Живу, кряхчу под вечным игом.
Как нянька бедная, хожу
За вами — слушаю, гляжу.

II

— Вот Коцит, вот Ахерон,
Вот горящий Флегетон.
Доктор Фауст, ну смелее,
Там нам будет веселее.—
— Где же мост? — Какой тут мост,
На вот — сядь ко мне на хвост.

— Кто идет? — Солдат.
— Это что? — Парад.

— Вот обер-капрал,
Унтер-генерал.

— Что горит во мгле?
Что кипит в котле?
— Фауст, ха-ха-ха,
Посмотри — уха,
Погляди — цари.
О вари, вари!..

III

— Сегодня бал у сатаны —
На именины мы званы —
Смотри как эти два бесенка
Усердно жарят поросенка,
А этот бес — как важен он,
Как чинно выметает вон
Опилки, серу, пыль и кости.
— Скажи мне, скоро ль будут гости?

— Так вот детей земных изгнанье?
Какой порядок и молчанье!
Какой огромный сводов ряд,
Но где же грешников варят?
Всё тихо.— Там, гораздо дале.
— Где мы теперь? — В парадной зале.

— Что козырь? — Черви.— Мне ходить.
— Я бью.— Нельзя ли погодить?
— Беру.— Кругом нас обыграла.
— Эй, смерть! Ты право сплутовала.

— Молчи! ты глуп и молоденек.
Уж не тебе меня ловить.
Ведь мы играем не из денег,
А только б вечность проводить!

— Кто там? — Здорово, господа!
— Зачем пожаловал сюда?
— Привел я гостя.— Ах, создатель!..
— Вот доктор Фауст, наш приятель —
— Живой! — Он жив, да наш давно —
Сегодня ль, завтра ль — всё равно.
— Об этом думают двояко;
Обычай требовал однако
Соизволенья моего,
Но впрочем это ничего.
Вы знаете, всегда я другу
Готова оказать услугу...
Я дамой...— Крой! — Я бью тузом...
— Позвольте, козырь.— Ну, пойдем...

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны,
И самой красоте *семнадцать* лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало смелей грозит и устрашает.
Что делать . . . . утешься и смирись,
От милых прежних прав заране откажись,
Ищи других побед — успехи пред тобою,
Я счастия тебе желаю всей душою,
. . . . а опытов моих,
Мой дидактический, благоразумный стих.

О. С. ПУШКИНОЙ

Семейственной любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, сестра! не спереди, а сзади.

VARIANTES EN L'HONNEUR DE M-LLE NN

Почтения, любви и нежной дружбы ради
Хвалю тебя, мой друг, и спереди и сзади.

Блестит луна, недвижно море спит,
Молчат сады роскошные Гассана.
Но кто же там во мгле дерев сидит
На мраморе печального фонтана?
Арап-евнух, гарема страж седой,
И с ним его товарищ молодой.

«Мизрур, недуг тоски душевной
Не от меня сокроешь ты.
Твой мрачный взор, твой ропот гневный,
Твои свирепые мечты
Уже давно мне все сказали.
Я знаю — жизнь тебе тяжка.
А что виной твоей печали?
Мой сын, послушай старика».

Заступники кнута и плети,
О знаменитые князья,
За всё жена моя и дети
Вам благодарны как и я.
За вас молить я бога буду
И никогда не позабуду,
Когда . . . . позовут
Меня на . . . . . расправу,
За ваше здравие и славу
Я(?) дам(?) царю(?) мой первый кнут.

Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Теченье месячных изданий.

На небесах печальная луна
Встречается с веселою зарею,
Одна горит, другая холодна.
Заря блестит невестой молодою,
Луна пред ней, как мертвая, бледна.
Так встретился, Эльвина, я с тобою.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

Сатирик и поэт любовный,
Наш Аристип и Асмодей,
Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетушки моей.
Писатель нежный, тонкий, острый,
Мой дядюшка — не дядя твой,
Но, милый,— музы наши сестры,
Итак, ты всё же братец мой.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю — сижу орлом
И болен праздностью поносной.

Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большою нуждой.

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова позывает
Ко испражненью прежних дней.

Брови царь нахмуря
Говорил: «Вчера
Повалила буря
Памятник Петра».
Тот перепугался.
«Я не знал!.. Ужель?» —
Царь расхохотался.
«Первый, брат, апрель!»

Говорил он с горем
Фрейлинам дворца:
«Вешают за морем
. . . .
То есть разумею,—
Вдруг примолвил он,—
Вешают за шею,
Но жесток закон».—

ИЗ ВОЛЬТЕРА

Короче дни, а ночи доле,
Настала скучная пора,
И солнце будто поневоле
Глядит на убранное поле.
Что делать в зимни вечера,
Пока не подали нам кушать?
Хотите ли теперь послушать,
Мои почтенные друзья,
Рассказ про доброго Роберта,
Что жил во время Дагоберта?

Из Рима ехал он домой,
Имея очень мало денег.
Сей рыцарь был хорош собой,
Разумен, хоть и молоденек.

В то время деньги

И дабы впредь не смел чудесить,
Поймавши истинно повесить
И живота весьма лишить.

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшею
В тишине небес.

АННЕ Н. ВУЛЬФ

Увы! напрасно деве гордой
Я предлагал свою любовь!
Ни наша жизнь, ни наша кровь
Ее души не тронет твердой.
Слезами только буду сыт,
Хоть сердце мне печаль расколет.
. . . .
. . . .

ОТРЫВКИ

* * *

Играй, прелестное дитя,
Летай за бабочкой летучей,
Поймай, поймай ее шутя
Над розой . . . . колючей,
Потом на волю отпустя.
Но не советую тебе
Играть . . . . с уснувшим змием —
Завидуя его судьбе
Готовы . . . .
Искусным пойманный перстом

* * *

Вкус верный, острый ум и нравов чистота

* * *

Смеетесь вы, что девой бойкой
Пленен я, милой поломойкой.

* * *

Он вежлив был в иных прихожих,
Но дома скучен, сух и горд.

* * *

Скажи мне, ночь, зачем твой тихий мрак
Мне радостней

КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Да сохранит тебя твой добрый гений
Под бурями и в тишине

* * *

Как широко,
Как глубоко!
Нет, бога ради,
. . . .

* * *

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.

Его таинственная сила
. . . .
Слова святые начертила
На нем безвестная рука.

1826

К БАРАТЫНСКОМУ

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой зоил прямой чухонец.

К Е. Н. ВУЛЬФ

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

ИЗ АРИОСТОВА «ORLANDO FURIOSO»

CANTO XXIII

Ott. 100

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогий спит у стада,
Устал под латами герой —
Его манит ручья прохлада.
Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокий и ужасный.

102

Гуляя, он на деревах
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...

И в самом деле в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам друг являлся иногда.

103

Орланд их имена читает
Соединенны вензелом;
Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все — может быть —
Другой, не этой Анджеликой.

104

Но вскоре, витязь, молвил ты:
«Однако ж эти мне черты
Знакомы очень... разумею,
Медор сей выдуман лишь ею,
Под этим прозвищем меня
Царевна славила, быть может».
Так басней правду заменя,
Он мыслит, что судьбе поможет.

105

Но чем он более хитрит,
Чтоб утушить свое мученье,
Тем пуще злое подозренье
Возобновляется, горит;
Так в сетке птичка, друг свободы,

Чем больше бьется, тем сильней,
Тем крепче путается в ней.
Орланд идет туда, где своды
Гора склонила на ручей.

106

Кривой, бродящей повиликой
Завешен был тенистый вход.
Медор с прелестной Анджеликой
Любили здесь у свежих вод
В день жаркий, в тихий час досуга
Дышать в объятиях друг друга,
И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их мелом, углем иль ножом
Везде счастливцы написали.

107

Туда пешком печальный граф
Идет и над пещерой темной
Зрит надпись — в похвалу забав
Медор ее рукою томной
В те дни стихами начертал;
Стихи, чувств нежных вдохновенье,
Он по-арабски написал,
И вот их точное значенье:

108

«Цветы, луга, ручей живой,
Счастливый грот, прохладны тени,
Приют любви, забав и лени,
Где с Анджеликой молодой,
С прелестной дщерью Галафрона,
Любимой многими — порой

Я знал утехи Купидона.
Чем, бедный, вас я награжу?
Столь часто вами охраненный,
Одним лишь только услужу —
Хвалой и просьбою смиренной.

109

Господ любовников молю,
Дам, рыцарей и всевозможных
Пришельцев, здешних иль дорожных,
Которых в сторону сию
Фортуна заведет случайно,—
На воды, луг, на тень и лес
Зовите благодать небес,
Чтоб нимфы их любили тайно,
Чтоб пастухи к ним никогда
Не гнали жадные стада».

110

Граф точно так, как по-латыни,
Знал по-арабски. Он не раз
Спасался тем от злых проказ,
Но от беды не спасся ныне.

111

Два, три раза, и пять, и шесть
Он хочет надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нет того, что есть.
Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно,

И наконец на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

112

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.
Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

К ВЯЗЕМСКОМУ

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

К ЯЗЫКОВУ

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельнóю брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

1

Как по Волге реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила.
За меня ли молодца не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем еще тебя мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

2

Ходил Стенька Разин
В Астрахань город
Торговать товаром.

Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
«Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу
Что во чистом поле,
На зеленом дубе
Да в собачьей шубе».
Стал Стенька Разин
Думати думу:
«Добро, воевода.
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму».

3

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливается.
Зазывает меня, Стеньку Разина,

Погулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

ПРИЗНАНИЕ

Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно,— я зеваю;
При вас мне грустно,— я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь,— мне отрада;
Вы отвернетесь,— мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя,—
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,

Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетеся в даль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,—
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,—
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

К. А. ТИМАШЕВОЙ

Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах;
Соперницы *запретной розы*
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
Не много рифм и много прозы.

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд
Во всем будь пращуру подобен:
Как он неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

ОТВЕТ Ф. Т***

Нет, не черкешенка она;
Но в долы Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней,
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...

Скучно, грустно... завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,

И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадаю старик
Читает библию. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая.
Сидит в другом углу, главой
Поникнув, молодой еврей,
Глубоко в думу погруженный.
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, закрыв святую книгу,
Застежки медные сомкнул.
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы.
Уснуло всё под сенью ночи.
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь.— Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
Младой еврей встает и дверь
С недоуменьем отворяет —
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный посох

К **

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга —
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

МОРДВИНОВУ

Под хладом старости угрюмо угасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
И Пинда острые вершины.

В то время ты вставал: твой луч его согрел,
Он поднял к небесам и крылья и зеницы
И с шумной радостью взыграл и полетел
Во сретенье твоей денницы.

Мордвинов, не вотще Петров тебя любил,
Тобой гордится он и на брегах Коцита.
Ты лиру оправдал, ты ввек не изменил
Надеждам вещего пиита.

Как славно ты сдержал пророчество его!
Сияя доблестью и славой, и наукой,
В советах недвижим у места своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой.

Так, в пенистый поток с вершины гор скатясь,
Стоит седой утес, вотще брега трепещут,
Вотще грохочет гром и волны, вкруг мутясь,
И увиваются, и плещут.

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.

ИЗ ПИСЬМА К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвый, то унылый;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
Пятьсот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

Кристалл, поэтом обновленный,
Укрась мой мирный уголок,
Залог поэзии священной
И дружбы сладостный залог.

В тебе таится жар целебный.

Едва уста красноречивы
Тебя коснулися, и вмиг
Его ума огонь игривый
В тебя таинственно проник.

Будь подобен полной чаше,
Молодых счастливый дом —
Непонятно счастье ваше,
Но молчите ж обо всем.

Что за диво, что за каша
Для рассудка моего —
Чорт возьми! но, воля ваша,
Не скажу я ничего.

То-то праздник мне да Маше,
Другу сердца моего;
Никогда про счастье наше
Мы не скажем ничего.

Стойте — тотчас угадаю
Горе сердца твоего.
Понимаю, понимаю! —
Не болтай же ничего.

Строгий суд и слово ваше
Ценим более всего.
Вы ль одни про счастье наше
Не сказали ничего!

Он мне ровесник, он так мил,
Всегда видала в нем я брата,
Он, как сестру, меня любил.
Скажите, чем я виновата.

Нет, Маша, ты не виновата.

И этой свадьбе не бывать.

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе . . . .

ИЗ ПИСЬМА К СОБОЛЕВСКОМУ

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яичницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься налегке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растаращит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели,—
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленький кусок.

Яжельбицы — первая станция после Валдая.— В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

ОТРЫВКИ

* * *

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на вые
К убийце гнусному явись.

* * *

И я бы мог, как шут на

* * *

На разность утренних одежд

* * *

Пока в нас сердце замирает

1820—1826

Там на брегу, где дремлет лес священный,
Твое я имя повторял;
Там часто я бродил уединенный
И в даль глядел... и милой встречи ждал.

НА ТРАГЕДИЮ гр. ХВОСТОВА,
ИЗДАННУЮ С ПОРТРЕТОМ КОЛОСОВОЙ

Подобный жребий для поэта
И для красавицы готов:
Стихи отводят от портрета,
Портрет отводит от стихов.

От многоречия отрекшись добровольно,
В собраньи полном слов не вижу пользы я;
Для счастия души, поверьте мне, друзья,
Иль слишком мало всех, иль одного довольно.

Нет ни в чем вам благодати,
С счастием у вас разлад:
И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад.

О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич!
Не подражателям холодным,
Не переводчикам голодным,
Не безответным рифмачам
Готовлю язвы эпиграмм!
Мир вам, несчастные поэты,
Мир вам, журнальные клевреты,
Мир вам, смиренные глупцы!
А вы, ребята подлецы,—
Вперед! Всю вашу сволочь буду
Я мучить казнию стыда!
Но если же кого забуду,
Прошу напомнить, господа!
О, сколько лиц бесстыдно-бледных,
О, сколько лбов широко-медных
Готовы от меня принять
Неизгладимую печать!

НА АЛЕКСАНДРА I

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!

ДРУЖБА

Что дружба? Легкий пыл похмелья,
Обиды вольный разговор,
Обмен тщеславия, безделья
Иль покровительства позор.

Что-то грезит Баратынский,
Что-то думает Плетнев?

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра,
Была ты Лизаветой Львовной
Любима больше серебра;
Матвей Михайлович, как кровный,
Тебя встречал среди двора.
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский пропустил.

1826

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Равновесие

О мирный селянин! В твоем жилище нет
Ни злата, ни сребра, но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2

Верное предсказание

«Пройдет ли мой недуг?» — лев у осла спросил;
Осел ответствовал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был» —
Два раза два — четыре.

3

Справедливость пословицы

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую,— что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

4

Мстительность

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

5

Непоколебимость

«Познай, светлейший лев, смятения вину,—
Рек слон:— в народе бунт! повсюду шум и клики!»
«Смирятся,— лев сказал,— лишь гривой я тряхну!»
Опасность не страшна для мощного владыки.

6

Сила и слабость

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

7

Лебедь и гусь

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.—
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

8

Мартышка

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! На старости побереги себя!

9

Общая судьба

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И наконец увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

10

Безвредная ссора

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

11

Закон природы

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка — мила:
Всяк следует своей природе.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ

1822—1824

РАЗГОВОР ФОТИЯ С гр. ОРЛОВОЙ

«Внимай, что я тебе вещаю:
Я телом евнух, муж душой».
— Но что ж ты делаешь со мной?
«Я тело в душу превращаю».

Гр. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотию
Архимандриту Фотию.

Накажи, святой угодник,
Капитана Борозду,
Разлюбил он, греховодник,
. . . .

1824

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ

Скучной ролью Телемака
Я наскучил, о друзья,
О Москва, Москва-Итака!
Скоро ли тебя увижу я?

НА ФОТИЯ

Полу-фанатик, полу-плут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких,—
Полу-благих, полу-святых.

1825

Расходились по поганскому граду,
Разломали темную темницу.

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

К*** (ЗАЧЕМ БЕЗВРЕМЕННУЮ СКУКУ)

(стр. 10)

Четверостишие (второе) в черновике, отброшенное при обработке:

Душа в томительном обмане
Ценить не в силах счастья час,
Я слезы лью, грущу заране,
Увяли чувства, ум погас.

КТО ВИДЕЛ КРАЙ, ГДЕ РОСКОШЬЮ ПРИРОДЫ

(стр. 49)

Стихотворение несколько раз переделывалось. В черновике строфа, соответствующая третьей, читалась:

Всё живо там, и тополей прохлада,
И в их тени уснувшие стада,
Склоненных скал приморская громада,
Развалины, селенья, города,
И моря шум, и говор водопада,
И на волнах крылатые суда,
И яркий блеск лучей златого Феба,
И синий свод полуденного неба.

После этой строфы в перебеленной рукописи была еще следующая:

Приду ли вновь, поклонник муз и мира,
Забыв молву и жизни суеты,
На берегах веселого Салгира

Воспоминать души моей мечты?
И ты, мой друг, задумчивая лира,
Ты, верная певица красоты,
Певица нег, любови и разлуки,
Найдешь ли вновь утраченные звуки?

Последнюю строфу Пушкин начал перерабатывать, но не кончил переработки. Она получила такую незаконченную форму:

Когда луны сияет лик двурогой
И луч ее во мраке серебрит
Немой залив и склон горы отлогой,
И хижину, где поздний огнь горит,
И с седоком приморскою дорогой
Привычный конь над бездною бежит,
И в темноте как призрак безобразный
Стоит вельблюд, вкушая отдых праздный

ДИОНЕЯ

(стр. 51)

В первоначальной редакции стихотворение начиналось четверостишием:

Подруга милая! Я знаю, отчего
Ты с нынешней весной от наших игр отстала;
Я тайну сердца твоего
Давно, поверь мне, угадала.

УМОЛКНУ СКОРО Я

(стр. 53)

Обрабатывая стихотворение для печати, Пушкин отбросил начальные стихи:

Нет, поздно, милый друг, узнал я наслажденье:
Ничто души моей уже не воскресит;
Ей чуждо страсти упоенье,

И счастье тихое меня не веселит...
Увял во цвете лет!.. но если в дни печали
и т. д.

Кроме того, в предшествующей беловой редакции стихи, начиная с девятого, читались:

Позволь одушевить прощальный лиры звук
Счастливым именем прекрасной.
Не бойся ветреных невежд,
Не бойся клеветы ревнивой...
Не обмани моих надежд
Своею скромностью пугливой:
Когда меня навек обымет хладный сон
и т. д.

ГРОБ ЮНОШИ

(стр. 55)

В беловом автографе вместо стиха „И без него друзья пируют" и следующих:

И без него друзья пируют,
Уж многих полюбить успев,
И друга редко именуют
В беседе чернооких дев.
Из ветрениц, которых очи
Он прежде втайне привлекал,
Которым он во мраке ночи
Младые бденья посвящал,
Из милых жен, его любивших
и т. д.

Кроме того, в черновой рукописи имеются следующие стихи: вместо „К чему?.." (стр. 56) и т. д.:

Не воззовет!.. его гробница
Уединенна и темна,
На урне спит ночная птица,
И близь холма журчит волна.

После стиха „Ручей журчит и шепчет лес“:

Не выдет он взглянуть на горы,
Осеребренные луной...
Не улыбнется он, и взоры
Не встретят утра над рекой...

Стих „Под наклоненными крестами“ читался: „Под суеверными крестами“.

К ОВИДИЮ

(стр. 62)

В черновом тексте после стиха „Приближьте хоть мой гроб к Италии прекрасной“ (стр. 63) следовало:

Так! Гений жив еще и свят его венец.
Но я, среди толпы затерянный певец,
Я знал несчастие — рожденный для страстей,
В изгнаньи я влачил дни юности моей.

Из этих стихов два первых вошли — с видоизменениями — в заключительную часть стихотворения.

Во всех рукописных текстах последних шести стихов нет, и после стиха „Не славой — участью я равен был тебе“ (стр. 65) следовали два заключительных:

Но не унизил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

В беловой рукописи имеются примечания:

1) Ко всему стихотворению.

Мнение, будто Овидий был сослан в нынешний Аккерман, ни на чем не основано. В своих элегиях он ясно назначает местом своего пребывания город Томы (Tomi) при самом устье Дуная. Столь же несправедливо и мнение Вольтера, полагающего причиной его

изгнания слишком нежную благосклонность Юлии, дочери Августа. Овидию было тогда около пятидесяти лет, а развратная Юлия десять лет тому прежде была сама изгнана своим родителем. Прочие догадки ученых ничто иное как догадки. Поэт сдержал свое слово, и тайна его с ним умерла.

Alterius facti culpa silenda mihi.

Ovidius.

2) К стиху „Но если гневный бог досель неумолим“ (стр. 63).

«Овидий провел девять лет в своем изгнании, а не двадцать, как говорит Шатобриан».

АЛЕКСЕЕВУ

(стр. 74)

Окончание стихотворения.

Я был рожден для наслажденья,
В моей утраченной весне
Как мало нужно было мне
Для милых снов воображенья.
Зачем же в цвете юных лет
Мне изменило сладострастье?
Зачем же вдруг увяло счастье
И ни к чему надежды нет?
И что ж, изменой хладнокровной
Я ль стану дружество бесить,
И снова тактики любовной
Уроки тайные твердить?

Нет, милый! если голос томный,
Обман улыбки, нежный взор,
Умильный вид печали скромной
Тобой владеют до сих пор,
Люби; ласкай свои желанья,
Надежде и еврейке верь.

Как тень пройдут любви мечтанья,
И станешь то, что я теперь.

ВЯЗЕМСКОМУ

(Язвительный поэт, остряк замысловатый)

(стр. 85)

Черновое продолжение послания.

Будь мне наставником в насмешливой науке,
Едва лукавый ум твой поимает звуки,
Он рифму грозную невольно затвердит,
И память темное прозванье сохранит.

Блажен Фирсей... рифмач миролюбивый,
Пред знатью.... покорный, молчаливый,
Как Шаликов, добра хвалитель записной,
Довольный изредка журнальной похвалой,
Невинный фабулист или смиренный лирик.
Но Феб во гневе мне промолвил: будь сатирик.
С тех пор бесплодный жар в груди моей горит,
Браниться жажду я — рука моя свербит.

Клим пошлою меня щекотит остротой.
Кто Фирс? ничтожный шут, красавец молодой,
Жеманный говорун, когда-то бывший в моде,
Толстому тайный друг по греческой методе.
Ну можно ль комара тотчас не раздавить
И в грязь словцом одним глупца не превратить?
А шутку не могу придумать я иную,
Как только отослать. . . . Толстого. . . .

И в глупом бешенстве кричу я наконец
Хвостову: ты дурак, а Стурдзе: ты подлец

Так точно трусивший буян обиняком
Решит в харчевне спор надежным кулаком.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

(стр. 102)

К стиху „Твой щит на вратах Цареграда“ в рукописи примечание:

Но не с гербом России, как некто сказал, во-первых потому, что во время Олега Россия не имела еще герба. Наш *Двуглавый орел* есть герб Римской империи и знаменует разделение ее на Западную и Восточную. У нас же он ничего не значит.

ИЗ ПИСЬМА К Я. Н. ТОЛСТОМУ

(стр. 113)

Первоначальная редакция послания к членам Зеленой Лампы

...до меня доходит,
И милый звук знакомых струн
Печаль на душу мне наводит.

Непримиримою судьбою
Певцы давно разлучены.
Их лиры ветреной игрою
Не славят счастья чередою,
Сердца тоской омрачены.
Молчат пиры, утихли смехи,
Любовницы забыли нас,
Утих безумья вольный глас,
И разлетелися утехи.
В изгнаньи скучном каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаньем,
Воображаю, вижу вас.
Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров?

Кипишь ли ты, златая чаша,
В руках веселых остряков?
Всё те же ль вы, друзья веселья,
Друзья Киприды и стихов?
Часы любви, часы похмелья
Попрежнему ль бегут на зов
Свободы, лени и безделья?

Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство,
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна,
И разгорались наши споры
От искр и шуток и вина.
Разлуки долгой и тяжелой
Забыта хладная печаль,
Ты здесь, Амфитрион веселый,
Счастливец добрый, умный враль,
Бывалой дружбой пламенея,
Благослови же мой возврат.
Но где же он, твой милый брат,
Недавний рекрут Гименея?
Вы оба в прежни времена
В ночных беседах пировали
И сладкой лестью баловали
Певца свободы и вина.

Приди, прелестный Адонис,
Жилец Пафоса и Киферы,

Любимец ветреных лаис,
Счастливый баловень Венеры.
И гы, о гражданин кулис,
Театра злой летописатель,
Очаровательных актрис
Непостоянный обожатель.
И я любил их остроту,
Веселость, ум и разговоры,
Любил улыбку, нежны взоры,
Но оскорбил я красоту,
Когда она блистала славой
В венце любви, в дыму кадил,—
В досаде, может быть, неправой
Я свистом гимны заглушил.
Погибни мести миг единый,
И дерзкой лиры ложный звук!
Она виновна, милый друг,
Пред Мельпоменой и Моиной...
Услышу ль я, мои поэты,
Богов торжественный язык?
Налейге мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

В кругу семей, в пирах счастливых
Я гость печальный и чужой,
Вдали друзей вольнолюбивых
Теснимый хладною толпой.
Певец любви, опальный странник,
Забыв и лиру и покой,
Лечу за милою мечтой.
Где ж отдохну, младой изгнанник,
Забуду горесть и любовь
И сердца пыл неосторожный,
Забуду посох свой дорожный

И равнодушен буду вновь?..
А вы, товарищи младые,
Друзья, готовьте шумный пир,
Готовьте чаши круговые,
Венки цветов и гимны лир.

ИНОСТРАНКЕ

(стр. 122)

В черновой рукописи озаглавлено „Гречанке“ и вместо последнего четверостишия читается:

Я помнить буду, друг любимый,
В уединенной тьме ночей
Твой поцелуй неутолимый
И жар томительных очей.

ПРИДЕТ УЖАСНЫЙ ЧАС

(стр. 166)

После стиха „Я сяду близ тебя печальный и немой“ в черновике зачеркнуты недоработанные стихи:

Лампада бледная твой хладный труп осветит.
Мой взор . . . . движенья не заметит

Не поразит судьбы коварная измена.
Коснусь я хладных ног — себе их на колена
и т. д.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ

(стр. 188)

В рукописи после стиха „Старушки чудное преданье“ (стр. 189):

Меня не знал в то время свет,
Но мне внимала вся природа,

Воистину я был поэт,
Но для себя, не для народа.

После стиха „Искал вниманья красоты“ (стр. 191):

Мои слова, мои напевы
Коварной силой иногда
Смирить умели в сердце девы
Волненье сладкого стыда.

После стиха „Боготворить не устыдился“ (стр. 192):

Ах лира, лира! что же ты
Мое безумство разгласила?
Ах, если б Лета поглотила
Мои летучие листы
И память мертвой красоты
Сокрыла темная могила!..

После стиха „Судьбою так уж решено“ (стр. 193):

С кем поделюсь я вдохновеньем?
Одна была... пред ней одной
Дышал я дивным упоеньем
Любви поэзии святой.
Там, там, где тень, где лист чудесный,
Где льются вечные струи,
Я находил язык небесный,
Сгорая жаждою любви...

В первом издании к стихотворению было сделано примечание:

Заметим, для щекотливых блюстителей приличий, что Книгопродавец и Поэт оба лица вымышленные. Похвалы первого ничто иное, как светская вежливость, притворство, необходимое в разговоре, если не в журнале.

К МОРЮ

(стр. 195)

В рукописи после стиха „Там угасал Наполеон“ (стр. 196) имеются следующие строфы, не вошедшие в печатный текст:

Печальный остров заточенья
Без злобы путник посетит,
Святое слово примиренья
За нас на камне начертит.

Он искупил меча стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоской, томлением изгнанья
Под сенью душной тех небес.

Там, устремив на волны очи,
Воспоминал он прежних дней
Пожар и ужас полуночи,
Кровавый прах и стук мечей.

Там иногда в своей пустыне,
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о юном сыне
С улыбкой горькой думал он.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ

(IX. И путник усталый на бога роптал)

(стр. 209)

Первоначально Пушкин изложил этот отрывок в следующих необработанных стихах:

В пустыне дикой человека
Господь узрел и усыпил,

Когда же протекли три века,
Он человека пробудил.

Бог рек: под кладязем пустынным,
Скажи, давно ли здесь лежал.
Мне сон мой показался длинным:
Я здесь полсуток верно спал.

Сюда же, повидимому, отн. сится и следующие наброски:

Я не дремал — но усыпленье
. . . .
Мне снился сон изнеможенья,
И пролетали надо мной
Разнообразные виденья.

Приснились мне древа и воды,
Увидел я и шум и тень ..

ЖЕНИХ

(стр. 266)

Стихи первоначальной рукописи, отброшенные в печати. После стиха „Без памяти вбежала":

И кинулась рыдая мать
Свою Наташу обнимать:
Ты наша, наша снова.
Наташа ей ни слова.

Стоит бледна как полотно,
Открыв недвижно очи,
И всё глядит она в окно,
В печальный сумрак ночи.
С вопросами отец и мать

и т. д.

После стиха „Качая головою" (стр. 267):

Наташа милая моя,—
Отец ей,— что с тобою?

Откройся мне ты от души,
Хоть след его нам укажи,
Обидел кто Наташу,
Одну отраду нашу.

Но безответна и бледна
Стоит Наташа снова,
Молитву лишь творит она
И более ни слова.
Семья качает головой:
Иль шутит шутки домовой.

19 ОКТЯБРЯ (1825 года)

(стр. 278)

Пропущенные и замененные строфы рукописной редакции.

Эпиграф: Nunc est bibendum. Horatius.

1

После стиха „Минутное забвенье горьких мук“:

Товарищи! сегодня праздник наш.
Заветный срок! сегодня *там*, далече,
На пир любви, на сладостное вече
Стеклися вы при звоне мирных чаш.—
Вы собрались, мгновенно молодея,
Усталый дух в минувшем обновить,
Поговорить на языке Лицея
И с жизнью вновь свободно пошалить. [1]

2

На пир любви душой стремлюся я...
Вот вижу вас, вот милых обнимаю.

---

[1] Вся эта строфа зачеркнута в рукописи. — *Ред.*

Я праздника порядок учреждаю...
Я вдохновен, о, слушайте, друзья:
Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!
Садитеся, как вы садились там,
Когда места в сени святого крова
Отличие предписывало нам.

3

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховский сядет первый,
Последним я, иль Брольо, иль Данзас.
Но многие не явятся меж нами...
Пускай, друзья, пустеет место их.
Они придут; конечно над водами
Иль на холме под сенью лип густых

4

Они твердят томительный урок,
Или роман украдкой пожирают,
Или стихи влюбленные слагают,
И позабыт полуденный звонок.
Они придут! — за праздные приборы
Усядутся; напенят свой стакан,
В нестройный хор сольются разговоры,
И загремит веселый наш пеан.

13

После стиха „Ты в день его Лицея превратил“ (стр. 280):

Что ж я тебя не встретил тут же с ним,
Ты, наш казак и пылкий и незлобный,

Зачем и ты моей сени надгробной
Не озарил присутствием своим?
Мы вспомнили б, как Вакху приносили
Безмолвную мы жертву в первый раз,
Как мы впервой все трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказ...

Первая редакция этой строфы:

Мы вспомнили, как Вакху в первый раз
Безмолвную мы жертву приносили,
Мы вспомнили, как мы впервой любили,
Наперсники, товарищи проказ...
И всё прошло, проказы, заблужденья...
Ты, освятив тобой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья
Завоевал почтение граждан.

В строфе „И первую полней, друзья, полней" (стр. 282) — четыре последних стиха:

Златые дни! уроки и забавы,
И черный стол, и бунты вечеров,
И наш словарь, и плески мирной славы,
И критики лицейских мудрецов!

После стиха „Он взял Париж, он основал Лицей" (стр. 282):

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию — и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

И. И. ПУЩИНУ

(стр. 343)

В неоконченном послании И. И. Пущину 1825 г. за стихом „Твой колокольчик огласил“ следовало:

Забытый кров, шалаш опальный
Ты вдруг отрадой оживил,
На стороне глухой и дальной
Ты день изгнанья, день печальный
С печальным другом разделил.
Скажи, куда девались годы,
Дни упований и свободы,
Скажи, что наши? что друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где ж молодость? Где ты? Где я?
Судьба, судьба рукой железной
Разбила мирный наш лицей,
Но ты счастлив, о брат любезный,
На избранной чреде своей.
Ты победил предрассужденья
И от признательных граждан
Умел истребовать почтенья,
В глазах общественного мненья
Ты возвеличил темный сан.
В его смиренном основаньи
Ты правосудие блюдешь,
Ты честь . . . .
. . . .

ПРИМЕЧАНИЯ

1820 (Юг)

ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО (стр. 7). Напечатано в «Сыне отечества», 1820 г., № 46, без подписи, с пометой: «Черное море. 1820 сентябрь». Посылая элегию брату для напечатания при письме от 24 сентября 1820 г., Пушкин сообщал, что написал ее «ночью на корабле» при переезде из Феодосии в Гурзуф. Подготовляя стихотворение для своего сборника в 1825 г., Пушкин предполагал дать ему эпиграф: «Good night my native land. Byron».

УВЫ! ЗАЧЕМ ОНА БЛИСТАЕТ (стр. 9). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1823 год, и затем перепечатано с датой 1819 в отделе элегий сборника стихотворений 1826 г. Несмотря на поставленную Пушкиным дату, можно предполагать, что стихотворение написано в Гурзуфе в 1820 г., как и помечено в рукописи Пушкина. Другая рукопись носит дату «8 февраля 1821, Киев», но, повидимому, это дата обработки, так как перед текстом поставлена помета «Гурзуф». Обычно предполагалось, что элегия относится к болезненной дочери генерала Раевского Елене. Но вероятнее, что Пушкин имел в виду старшую дочь Екатерину: именно ее болезнью и была вызвана поездка Раевских в Крым.

К ***. Зачем безвременную скуку (стр. 10). Напечатано в «Московском Вестнике», 1827 г., ч. I, № 2, и затем с датой 1821 перепечатано в сборнике 1829 г. Однако, судя по рукописям, стихотворение в черновом виде было написано в 1820 г., а обработано 1 ноября 1826 г. в Москве.

МНЕ ВАС НЕ ЖАЛЬ, ГОДА ВЕСНЫ МОЕЙ (стр. 11). При жизни Пушкина не печаталось. Сохранился черновик с датой: 1820, Юрзуф, 20 октября. В дате

ошибка, так как в октябре Пушкин уже не был в Крыму.

Я ВИДЕЛ АЗИИ БЕСПЛОДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ (стр. 12). При жизни Пушкина не печаталось. Сохранился черновик, писанный, повидимому, в Гурзуфе.

АПТЕКУ ПОЗАБУДЬ ТЫ ДЛЯ ВЕНКОВ ЛАВРОВЫХ (стр. 13). Эпиграмма на доктора Рудыковского, сопровождавшего семью Раевских в поездке на юг. Рудыковский писал плохие стихи. Эпиграмму Пушкин не печатал.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГИЯ (стр. 14). Впервые напечатано в сборнике стихотворений 1826 г. Написано в Кишиневе 5 октября 1820. Семья сербского вождя Карагеоргия (Георгия Черного, см. «Песни Западных славян») жила в Хотине, недалеко от Кишинева.

К ПОРТРЕТУ ВЯЗЕМСКОГО (стр. 15). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1824 год.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ (стр. 16). Напечатано в «Сыне отечества», 1821 г., № 15, с подзаголовком «Молдавская песня». Написано в Кишиневе 14 ноября 1820.

КОГДА Б ПИСАТЬ ТЫ НАЧАЛ СДУРУ (стр. 18). При жизни Пушкина не печаталось.

НА КАЧЕНОВСКОГО. Хаврониос! Ругатель закоснелый (стр. 19). При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма вызвана, вероятно, рецензиями «Вестника Европы» на «Руслана и Людмилу», которые Пушкин приписывал редактору журнала Каченовскому.

КАК БРАНЬ ТЕБЕ НЕ НАДОЕЛА? (стр. 20). Впервые напечатано в сборнике 1826 г. с датой 1820.

ЭПИГРАММА НА гр. Ф. И. ТОЛСТОГО. В жизни мрачной и презренной (стр. 21). При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма направлена против Федора Ив. Толстого (1782—1846), которому Пушкин приписывал распространение каких-то сплетен. Толстой в 1804 г. побывал на Алеутских островах, за что получил прозвище «американец». Был известен как дуэлянт

и картежник. См. послание Чаадаеву 1821 г. и письмо Вяземскому от 1 сентября 1822.

НЕРЕИДА (стр. 22). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1824 год и включено в сборник 1826 г., в раздел «Подражания древним». В печати в предпоследнем стихе был сделан цензурный пропуск и печаталось одно слово «воздымала». Ср. письмо Бестужеву от 12 января 1824.

РЕДЕЕТ ОБЛАКОВ ЛЕТУЧАЯ ГРЯДА (стр. 23). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1824 год и включено в раздел «Подражания древним» сборника 1826 г. с пропуском последних трех стихов. Писано в Каменке; в начальных стихах описывается гористый берег реки Тясмина. В последних стихах говорится о Екатерине Николаевне Раевской. Ср. письмо Бестужеву от 29 июня 1824.

1821

ЗЕМЛЯ И МОРЕ (стр. 24). Напечатано в «Новостях литературы», 1825 г., № 1, и включено в сборник 1826 г., в раздел «Подражание древним». Имело подзаголовок «Идиллия Мосха». Писано 8 февраля 1821. Стихотворение представляет собою вольное переложение стихов древнегреческого поэта Мосха (II век до н. э.).

КРАСАВИЦА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ (стр. 25). Напечатано в «Соревнователе просвещения», 1825 г., № 3, и включено в раздел «Подражания древним» сборника 1826 г.

МУЗА (стр. 26). Напечатано в «Сыне отечества», 1821 г., № 23, и включено в раздел «Подражания древним» сборника 1826 г. Написано 5 апреля 1821 в Кишиневе.

Я ПЕРЕЖИЛ СВОИ ЖЕЛАНЬЯ (стр. 27). Напечатано в «Новостях литературы», 1823 г., № 48, и включено в элегии сборника 1826 г. Писано в Каменке 22 февраля 1821 г. В одной из рукописей имеет заголовок: «Элегия (из поэмы Кавказ)». Пушкин предполагал ввести эти стихи в поэму «Кавказский пленник» (ч. II, после стиха «Я вяну жертвою страстей»).

ВОЙНА (стр. 28). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1823 год. Написано 29 ноября 1821. Стихотворение вызвано греческим восстанием. Пушкин намеревался принять участие в войне на стороне восставших.

ДЕЛЬВИГУ. Друг Дельвиг, мой парнасский брат (стр. 30). Этими стихами начинается письмо Дельвигу от 23 марта 1823 г. из Кишинева.

Тимковский И. О.— петербургский цензор.

ИЗ ПИСЬМА К ГНЕДИЧУ. В стране, где Юлией венчанный (стр. 31). Из письма от 24 марта 1821.

Орлов — Михаил Федорович; в его доме в Кишиневе собирались члены тайного общества (декабристы) и вели политические споры.

Октавий — имеется в виду Александр I.

«Гомера музу нам явил». Гнедич переводил «Илиаду» гекзаметрами без рифм («От звонких уз освободил»).

КИНЖАЛ (стр. 33). При жизни Пушкина стихотворение получило распространение в списках, и его французский перевод появился в книге Ансело «Шесть месяцев в России» (Париж, 1827).

Кесарь — Юлий Цезарь.

Апостол гибели — Марат, *дева Эвменида* — Шарлотта Корде.

Занд — немецкий студент, убивший в 1819 г. реакционного писателя Коцебу. Это убийство рассматривалось как акт революционного патриотизма. Занд был казнен.

ВСЕ ТАК ЖЕ ЛЬ ОСЕНЯЮТ СВОДЫ (стр. 36). Черновой набросок. Стихотворение вызвано уходом Ек. Семеновой из театра в январе 1820 г. и слухами о ее возможном возвращении на сцену.

«Сей храм парнасских трех цариц» — Мельпомены (трагедии), Талии (комедии) и Терпсихоры (балета).

Катенин П. А.— предводитель театральной партии, враждебной Семеновой, поддерживавший ее соперницу Колосову. В последних стихах выражается надежда на близкое примирение враждующих сторон.

ХОТЬ ВПРОЧЕМ ОН ПОЭТ ИЗРЯДНЫЙ (стр. 37). Впервые напечатано в сборнике 1826 г. без даты.

Время создания определяется положением черновика в тетрадях.

Эмилий (в черновике «Людмилин», т. е. автор «Руслана и Людмилы») — сам Пушкин. Против кого из своих критиков написал Пушкин эту эпиграмму, не установлено. В черновике он называет его князем.

В. Л. ДАВЫДОВУ (стр. 38). Черновое стихотворение, по цензурным причинам не имевшее распространения. Адресовано декабристу Василию Львовичу Давыдову (1792—1855), с которым Пушкин познакомился в его имении Каменке. Писано около 5 апреля 1821 г.

Генерал Орлов — Михаил Федорович. В мае 1821 г. он женился на Екатерине Николаевне Раевской.

Раевские мои — семья генерала Раевского, брата Давыдова по матери.

Безрукий князь — Александр Ипсиланти. Он потерял руку в сражении под Дрезденом.

Митрополит — см. Кишиневский дневник Пушкина (т. VIII, стр. 17), запись от 3 апреля 1821 г.

Те и *та. Те* — итальянские карбонарии, возглавившие Неаполитанскую революцию в июле 1820 г. В марте 1821 восстание в Неаполе было подавлено австрийскими войсками. *Та* — политическая свобода.

ДЕВА (стр. 40). Напечатано в «Соревнователе просвещения», 1823 г., № 3.

КАТЕНИНУ. Кто мне пришлет ее портрет (стр. 41). Напечатано в сборнике стихотворений 1826 г. Писано 5 апреля 1821. Речь идет об актрисе А. М. Колосовой, ученице Катенина. См. эпиграмму против нее «Всё пленяет нас в Эсфири» (т. I, стр 368).

Селимена — роль в комедии Мольера «Мизантроп». В этой роли Колосова выступила в ноябре 1823 г. С этого времени Колосова стала переходить с трагического репертуара на более свойственный ей комический. В первоначальной редакции стихотворения вм. Селимены было Мельпомена.

Моина — роль в трагедии Озерова «Фингал», исполнявшаяся Колосовой.

Ср. «Из письма к Я. Н. Толстому» (раздел «Из ранних редакций»).

К МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЕ (стр. 42). При жизни Пушкина не печаталось. Рукопись сохранилась не полностью.

ЧААДАЕВУ (стр. 46). Напечатано в «Сыне отечества», 1824 г., № 35, с датой 20 апреля 1821 (в рукописи дата «6 апреля»).

В черновой рукописи за стихом «Тебя недостает душе моей усталой» следовало:

Тебя, хранителя моих душевных сил,
Тебя, которому давно я посвятил
И жизнь и твердый дух, испытанный судьбою,
И чувства чистые, спасенные тобою.

В переработанном виде эти стихи были перенесены в дальнейший текст послания.

«Или философа, который в прежни лета»... Имеется в виду Ф. И. Толстой. Ср. эпиграмму «В жизни мрачной и презренной». Первоначально читалось: «Глупца-философа». По настоянию Вяземского Пушкин эти стихи устранил из позднейших изданий.

Оратор Лужников — Каченовский, подписывавший свои статьи в «Вестнике Европы» «Лужницкий старец».

Шепинг Д. А. — см. примечание к посланию Горчакову (т. I, стр. 502).

КТО ВИДЕЛ КРАЙ, ГДЕ РОСКОШЬЮ ПРИРОДЫ (стр. 49). При жизни Пушкина не печаталось. Писано в апреле 1821. В стихотворении описаны впечатления Пушкина от Крыма, в частности от Гурзуфа.

ДИОНЕЯ (стр. 51). Напечатано в первоначальной редакции в «Новостях литературы», 1825 г., № 4, и в окончательной в сборнике 1826 г., раздел «Подражания древним».

ГЕНЕРАЛУ ПУЩИНУ (стр. 52). При жизни Пушкина не печаталось. Пущин Павел Сергеевич (1785—1865) — командир бригады, служивший в Кишиневе под начальством М. Ф. Орлова. Одно время был членом Союза Благоденствия. В Кишиневе основал масонскую ложу «Овидий», в которой состоял и Пушкин (см. т. VIII, стр. 18, запись от 4 мая). По поводу основания ложи и написаны эти стихи. Они показывают, что Пушкин рас-

сматривал масонскую ложу как политическую организацию (ср. письмо Жуковскому от начала января 1826).

УМОЛКНУ СКОРО Я!.. (стр. 53). Напечатано впервые в сборнике 1826 г. Написано 23 августа 1821.

МОЙ ДРУГ, ЗАБЫТЫ МНОЙ СЛЕДЫ МИНУВШИХ ЛЕТ (стр. 54). Напечатано в «Новостях литературы», 1825 г., № 3. Написано 25 августа 1821.

ГРОБ ЮНОШИ (стр. 55). Напечатано впервые в сборнике 1826 г. среди элегий. Написано в июле — августе 1821. Возможно, что стихотворение вызвано известием о смерти лицейского товарища Н. А. Корсакова (умер во Флоренции 26 сентября 1820 г.).

НАПОЛЕОН (стр. 57). Впервые напечатано в сборнике 1826 г. с большими цензурными пропусками (строфы 4—6, от стиха «Когда надеждой озаренный» до «Их цепи лаврами обвил», строфа 8 «И се в величии постыдном» и стих в строфе 9 «Померкни, солнце Австерлица»). Написано по получении известия о смерти Наполеона. В редакцию 1821 года не входили строфы 13 и 14 («Искуплены его стяжанья» и «Где, устремив на волны очи»). Они являются переработанными стихами из первоначальной редакции стихотворения «К морю» и написаны в 1824 г. В черновой рукописи эпиграф: Ingrata patria...

ГРЕЧАНКА ВЕРНАЯ! НЕ ПЛАЧЬ,— ОН ПАЛ ГЕРОЕМ (стр. 61). Черновой набросок, не печатавшийся при жизни Пушкина. Стихотворение вызвано событиями греческого восстания.

К ОВИДИЮ (стр. 62). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1823 год. Написано 26 декабря 1821.

Так как стихотворение носит явный автобиографический характер (сопоставление ссылки Овидия и собственной участи с подчеркиванием нежелания Пушкина обращаться к милости императора), то Пушкин опасался цензуры (см. письмо Бестужеву от 21 июня 1822 г.); однако с этой стороны препятствий не встретилось. Пушкин придавал большое значение этому посланию (см. письмо брату от 30 января 1823 г.).

ПРИМЕТЫ (стр. 66). Напечатано в сборнике 1826 г., раздел «Подражания древним».

НА КАЧЕНОВСКОГО (стр. 67). При жизни Пушкина не печаталось.

КОКЕТКЕ (стр. 68). При жизни Пушкина не печаталось.

Аньеса — тип наивной девушки из комедии Мольера «Школа жен».

ЭПИГРАММА НА А. А. ДАВЫДОВУ. Оставя честь судьбе на произвол (стр. 70). При жизни Пушкина не печаталось. Давыдова Аглая Антоновна (1787—1847) — жена А. Л. Давыдова (брата декабриста), француженка. С ней Пушкин встречался в Каменке.

ПРИЯТЕЛЮ (стр. 71). Напечатано в сборнике 1826 г.

ХРИСТОС ВОСКРЕС (стр. 72). При жизни Пушкина не печаталось.

ЧИНОВНИК И ПОЭТ (стр. 73). Необработанный отрывок. Тема — выдача разбойника Кирджали турецким властям. См. повесть «Кирджали», т. VI, стр. 363. Чиновник — М. И. Лекс (см. Дневник Пушкина, т. VIII, запись от 5 декабря 1834 г.). По свидетельству Пушкина, выдача Кирджали произошла в сентябре 1821 г.

АЛЕКСЕЕВУ. Мой милый, как несправедливы (стр. 74). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1825 год. С сокращениями вошло в сборник 1826 г. См. «Из ранних редакций».

Алексеев Николай Степанович (1789—1850) — сослуживец Пушкина по Кишиневу; находился в приятельских отношениях с ним. Стихотворение вызвано тем, что Алексеев одно время подозревал Пушкина в соперничестве, будучи в близких отношениях с кишиневской жительницей М. Эйхфельд (по прозванию «еврейка») и думая, что Пушкин также ухаживал за ней.

«Как Баратынский, я твержу:». Далее цитата из послания Баратынского Коншину 1821 г. «Пора покинуть, милый друг».

ЭПИГРАММА. Лечись — иль быть тебе Панглосом (стр. 76). При жизни Пушкина не печаталось.

Панглос — из романа Вольтера «Кандид», ученый оптимист, лишившийся по болезни носа.

ДЕСЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ (стр. 77). При жизни Пушкина не печаталось.

КНЯЗЬ Г.— СО МНОЮ НЕ ЗНАКОМ (стр. 78). Черновой набросок эпиграммы, при жизни Пушкина не печатавшийся.

НАПЕРСНИЦА МОИХ СЕРДЕЧНЫХ ДУМ (стр. 79). Неоконченный черновой набросок.

Я НЕ ЛЮБЛЮ ТВОЕЙ КОРИНЫ (стр. 80). Незаконченный черновой набросок.

Корина — героиня одноименного романа мадам де Сталь, тип разносторонне образованной женщины.

РАЗЗЕВАВШИСЬ ОТ ОБЕДНИ (стр. 81). Сатирические куплеты на кишиневских дам.

Катакази — кишиневский губернатор.

Хромоногая — лицо неустановленное. *Маврогений* — Петараки, местный помещик.

Круглая соседка — вероятно, Богдан, вдова молдавского «боярина».

Тадарашка — Федор Крупенский, брат вице-губернатора.

Тарсис — Т. Катакази, сестра губернатора. Это была старая дева, образованная и некрасивая.

НЕДАВНО БЕДНЫЙ МУЗУЛЬМАН (стр. 83). Незаконченный черновой перевод стихотворной сказки Сенесе «Каймак». Перевод очень вольный, далеко отходящий от подлинника. Действие из Бруссы перенесено в Гурзуф (Крым). Окончание сказки: Мехмед добывает каймак, но во время его сна змея съедает каймак и дает за него Мехмету золотую монету. Мехмет носит змее каймак, каждый раз получая за него ту же плату. Благодарный Мехмет отправляется в Мекку, и каймак змее несет его сын. Он пытается убить змею и отрубает ей кончик хвоста. Змея убивает сына Мехмета, и когда тот, возвратившись из Мекки, хочет примириться со змеей, то она заявляет, что отныне между ними дружба невозможна.

ВЯЗЕМСКОМУ. *Язвительный поэт, остряк замысловатый* (стр. 85). Начало необработанного чернового послания, не законченного Пушкиным и не предназначавшегося к печати. См. «Из ранних редакций».

ЭЛЛЕФЕРИЯ, ПРЕД ТОБОЙ (стр. 86). Необработанный набросок.

Элеферия по-гречески — свобода.

ПРИМИТЕ НОВУЮ ТЕТРАДЬ. О ВЫ, КОТОРЫЕ ЛЮБИЛИ (стр. 87, 88). Необработанные наброски предполагавшегося «Посвящения» к «Гавриилиаде».

ЕСЛИ С НЕЖНОЙ КРАСОТОЙ (стр. 89). Необработанный набросок.

ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ. *Певец-гусар, ты пел биваки* (стр. 90). Черновой набросок, не доведенный до конца. Пушкин встретился с Давыдовым в Киеве.

ВОТ МУЗА, РЕЗВАЯ БОЛТУНЬЯ (стр. 91). Черновой набросок посвящения «Гавриилиады», адресованного, вероятно, Алексееву.

A SON AMANT EGLÉ SANS RÉSISTANCE (стр. 92). Имеется в виду, повидимому, Аглая Давыдова.

J'AI POSSÉDÉ MAÎTRESSE HONNÊTE (стр. 93). Черновой набросок.

ТАДАРАШКА В ВАС ВЛЮБЛЕН (стр. 94). Тадарашка — Ф. Крупенский; ср. «Раззевавшись от обедни».

В ТВОЮ СВЕТЛИЦУ, ДРУГ МОЙ НЕЖНЫЙ (стр. 95). Черновой набросок.

ОТРЫВКИ (стр. 96).

Теснится средь толпы... Ср. «Я видел Азии бесплодные пределы».

Генерал не попал. Писано в Кишиневе.

...во дни Дадона. Повидимому, набросок ненаписанной сказки.

Гостомыслову могилу грозную вижу... Попытки разработать сюжет «Вадима» в народном стихотворном раз-

мере. Эти отрывочные стихи соответствуют плану: «Вадим видит во сне его набеги, Гостомысла, Рюрика, Рогнеду, вновь на ладье едет к Новгороду, Могила Гостомысла». В качестве образца Пушкин избрал стих из народной песни, который он выписал с разметкой ударений:

˅ ˅ — ˅ — ˅ — ˅ — ˅ ˅ — ˅

Уж как пал туман седой на синее море

Вдали тех пропастей глубоких. Вероятно, первая попытка разработать сюжет комической поэмы, действие которой происходит в аду.

Из Байрона.— Перевод начальных стихов «Гяура». Этой попытке предшествовал опыт перевода этих стихов на французский:

Traduction littérale

Pas un souffle d'air pour briser le flot qui roule sur la grève d'Athènes; près de cette tombe élevée sur le rocher (стремнина) — premier objet qui salue sur cette terre qu'il sauva en vain le vaisseau qui s'en revient. Quand revivra un tel héros?

. . . .

Doux climat! où chaque saison sourit doucement sur ces îles bénies qui vues des hauteurs de Colonna enchantent le coeur, qui réjouit l'oeuil et le plonge dans une contemplation rêveuse.

Là la surface riante de l'Océan reflète...

1822

БАРАТЫНСКОМУ ИЗ БЕССАРАБИИ (стр. 98). Напечатано в «Северных Цветах» на 1826 год.

«Она Державиным воспета». В оде «На взятие Измаила» (1790).

ЕМУ ЖЕ (стр. 99). Напечатано вместе с предыдущим.

ДРУЗЬЯМ (стр. 100). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1824 год. Написано 15 февраля 1822. В рукописи имеет заглавие «Кеку, Полторацким и Горчакову». Кек В. Т.— офицер, отъезд которого из Кишинева друзья ознаменовали пирушкой. Полторацкие А. П. и

М. П.— офицеры генерального штаба. Горчаков В. П.— кишиневский приятель Пушкина.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ (стр. 102). Напечатано в «Северных Цветах» на 1825 год. Сюжетом послужил летописный рассказ, цитируемый Карамзиным в гл. V первого тома «Истории Государства Российского».

ТАВРИДА (стр. 106). Незаконченное и недоработанное стихотворение, вызванное воспоминаниями о пребывании в Гурзуфе в 1820 году. Написано около 16 апреля 1822.

Стихотворению предшествовал план, относящийся к начальной его части: «Страсти мои утихают, тишина царит в душе моей, ненависть, раскаянье, всё исчезает — любовь одушевляет...» К стиху «Лобзать уста младых Цирцей» Пушкин сделал примечание: «Цирцей — замечание Алексеева».

«Gib meine Jugend...» Из введения к «Фаусту» Гёте.

«Ты, сердцу непонятный мрак...» Эти стихи, в сильно сокращенном и переработанном виде, с измененным смыслом, послужили для создания элегии «Люблю ваш сумрак неизвестный» (см. стр. 296).

«Где скал нахмуренные своды...» Предшествующие стихи являются переделкой, с изменением стихотворного размера, стихотворения 1821 года «Кто видел край, где роскошью природы». Эту переработку Пушкин не довел до конца.

«За нею по наклону гор...» В сильно переработанном виде эти стихи вошли в строфу XXXIII первой главы «Евгения Онегина», написанную уже по окончании всей главы.

В. Ф. РАЕВСКОМУ. Не тем горжусь я, мой певец (стр. 110). Неоконченное послание. Адресовано Владимиру Федосеевичу Раевскому, арестованному за политическую пропаганду среди войск и заключенному в Тираспольскую тюрьму. Оттуда Раевский прислал стихотворение «К друзьям», в значительной своей части обращенное к Пушкину. Между прочим, к нему обращены стихи:

Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь...

Пушкин хотел начать ответ стихами:

Не даром ты ко мне воззвал
Из глубины глухой темницы...

но кроме этих двух стихов от начала послания ничего не сохранилось. Не написано и окончание послания, где Пушкин хотел провозгласить положительные задачи поэта.

ГРЕЧАНКЕ (стр. 111). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1823 год и включено в сборник 1826 г. с датой 1822. Пушкин пишет о Калипсо Полихрони, прибывшей в Кишинев из Константинополя. О ней говорили, что она была любовницей Байрона. К стиху «Скажи — когда певец Леилы» в рукописи примечание: «См. поэму лорда Байрона *Гяур* (а не *Джаур*, как пишут некоторые)».

ИЗ ПИСЬМА К Я. Н. ТОЛСТОМУ. Горишь ли ты, лампада наша (стр. 113). Из письма от 26 сентября 1822.

Яков Толстой — один из основателей и главных участников общества «Зеленая Лампа». Это общество прекратило свое существование осенью 1820 г., но Пушкин этого не знал. Стихи являются извлечением из писанного в 1821 г., но недоработанного и незаконченного послания членам «Зеленой Лампы». См. «Из ранних редакций» и соответствующие примечания.

В. Ф. РАЕВСКОМУ. Ты прав, мой друг — напрасно я презрел (стр. 115). Недоработанное и незаконченное послание В. Ф. Раевскому. См. послание ему «Не тем горжусь я, мой певец». Настоящее послание является ответом на стихотворение Раевского «Певец в темнице», где имеются стихи, обращенные к Пушкину:

О мира черного жилец!
Сочти все прошлые минуты,
Быть может близок твой конец
И перелом судьбины лютой!
Ты знал ли радость? — светлый мир —
Души награду непорочной?
Что составляло твой кумир —
Добро иль гул хвалы непрочной?

Читал ли девы молодой
Любовь во взорах сквозь ресницы?
В усталом сне ее с тобой
Встречал ли яркий луч денницы?

и т. д.

ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ (стр. 117). При жизни Пушкина не печаталось, но получило распространение в списках. Написано в конце 1822 г. Послание направлено против цензора А. С. Бирукова, деятельность которого Пушкин называл «самовластной расправой трусливого дурака». В черновой рукописи к стиху «Что нужно Лондону, то рано для Москвы» имеется вариант:

Потребности ума не всюду таковы:
Сегодня разреши свободу нам тисненья,
Что завтра выдет в свет: Баркова сочиненья.

Хвостов — Дмитрий Иванович. *Бунина А. П.* — поэтесса из круга «Беседы» Шишкова, обычный предмет насмешек. См. лицейский дневник Пушкина, том VIII, стр. 7.

Куницын — лицейский профессор, автор курса «Естественного права». Эта книга была запрещена в 1821 г.

«Сам государь велит печатать без тебя». «История Государства Российского» Карамзина печаталась без цензуры.

Певец «Пиров» — Баратынский.

«И Пушкина стихи» — «Опасный сосед» В. Л. Пушкина.

Сатирик превосходный — Фонвизин.

Наперсник Душеньки — Богданович.

ИНОСТРАНКЕ (стр. 122). Напечатано в сборнике 1826 г. без даты. См. «Из ранних редакций», стр. 392.

НАПЕРСНИЦА ВОЛШЕБНОЙ СТАРИНЫ (стр. 123). При жизни Пушкина не печаталось.

Ф. Н. ГЛИНКЕ. Когда средь оргий жизни шумной (стр. 124). При жизни Пушкина не печаталось. Стихи вызваны тем, что Ф. Н. Глинка в сентябре 1820 г. поместил в «Сыне отечества» послание «К Пушкину» по

поводу выхода в свет «Руслана и Людмилы». В этом послании были намеки на ссылку Пушкина:

О Пушкин! Пушкин! кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?
Какой из жителей небесных
Тебя младенцем полюбил...
Судьбы и времени седого
Не бойся, молодой певец!
Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!..

НЕДАВНО Я В ЧАСЫ СВОБОДЫ (стр. 125). При жизни Пушкина не печаталось. Стихи являются посланием Д. Давыдову по поводу выхода в свет его книги «Опыт теории партизанского действия», 1821 г. Последние стихи заимствованы из «Песни старого гусара» Давыдова:

Каждый по полю порхает,
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Бурцов А. П.— сослуживец Д. Давыдова, воспетый им, «величайший гуляка и самый отчаянный забулдыга из всех гусарских поручиков».

АДЕЛИ (стр. 126). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1824 год. Возможно, что стихи обращены к Адели Давыдовой, дочери А. Л. Давыдова, девочке лет четырнадцати, с которой Пушкин встречался в Каменке.

УЗНИК (стр. 127). Впервые напечатано в третьей части стихотворений Пушкина 1832 г. В рукописи, подготовленной для этого издания, дата: Кишинев, 1822.

ЧУГУН КАГУЛЬСКИЙ, ТЫ СВЯЩЕН (стр. 128). Неоконченный отрывок. При Кагуле в Бессарабии русские войска разбили турок 21 июля 1770 г.

НА А. А. ДАВЫДОВУ. Иной имел мою Аглаю (стр. 129). Стихотворение прислано Пушкиным при письме брату от 24 января 1822 г. О Давыдовой см. стихотворение «Оставя честь судьбе на произвол» (стр. 70).

НА ЛАНОВА (стр. 130). Эпиграмма распространения не получила. И. Н. Ланов — кишиневский чиновник, постоянно ссорившийся с Пушкиным. По описанию И. П. Липранди, «ему было за 65 лет»; «он был среднего роста, плотный, с большим брюхом, лысый, с широким красным лицом, на котором изображалось самодовольствие». Липранди и записал эпиграмму Пушкина.

У КЛАРИСЫ ДЕНЕГ МАЛО (стр. 131). Напечатано в сборнике 1826 г. В рукописи датировано: 1822, январь.

МОЙ ДРУГ, УЖЕ ТРИ ДНЯ (стр. 132). Необработанный набросок.

Орест — здесь в значении «друг», вероятно — Н. С. Алексеев.

Смиренный Иоанн — И. Н. Инзов, начальник Пушкина, сменивший Бахметева в должности наместника Бессарабской области.

Ясский пан — Тодор Балш, которого побил Пушкин, за что был посажен Инзовым под домашний арест.

Куконица — жена кукона, т. е. молдавского «боярина».

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ (стр. 134). Нескромная сказка Пушкина, дошедшая до нас в рукописных копиях. Начало сказки сохранилось в черновой тетради Пушкина. Упоминается в письме брату и Плетневу от 15 марта 1825 г.

В некоторых списках оканчивается четверостишием:

Многие меня поносят
И теперь пожалуй спросят,
Глупо так зачем шучу?
Что за дело им? Хочу.

НА ТИХИХ БЕРЕГАХ МОСКВЫ (стр. 141). Незаконченный отрывок.

ОТРЫВКИ (стр. 142).

Она ...... подарила — начало неосуществленного замысла Пушкина. В измененном виде стихи вошли в строфу XII второй главы «Евгения Онегина».

Дай, Никита, мне одеться. Никита — слуга Пушкина. Эти два стиха сообщены по памяти из какого-то не дошедшего до нас шуточного стихотворения.

1823

ПТИЧКА (стр. 143). Напечатано в «Литературных листках», 1823 г., № 2. Написано в конце апреля. См. письмо Гнедичу от 13 мая 1823 г. Явно автобиографический и политический смысл стихотворения заставил издателей прибегнуть из цензурных соображений к примечанию, затуманивающему смысл стихов: «Сие относится к тем благодетелям человечества, которые употребляют свои достатки на выкуп из тюрьмы невинных должников и проч.».

ЦАРСКОЕ СЕЛО (стр. 144). При жизни Пушкина не печаталось.

СЕГОДНЯ Я ПОУТРУ ДОМА (стр. 145). При жизни Пушкина не печаталось.

Тардиф — француз-ресторатор; до 1812 г. содержал рестораны в Петербурге, затем разорился и уехал в Одессу, а затем в Кишинев, где служил поваром.

ЖАЛОБА (стр. 146). При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма направлена против Д. П. Северина (1781—1865), служившего в министерстве иностранных дел.

КТО, ВОЛНЫ, ВАС ОСТАНОВИЛ (стр. 147). Черновой набросок.

НОЧЬ (стр. 148). Напечатано в сборнике 1826 г. Написано в Одессе 26 октября 1823 г.

ЗАВИДУЮ ТЕБЕ, ПИТОМЕЦ МОРЯ СМЕЛЫЙ (стр. 149). Черновой набросок.

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ. Проклятый город Кишинев (стр. 150). Написано в ноябре 1823 г. Стихи являются ответом на приглашение Ф. Ф. Вигеля приехать в Кишинев.

Варфоломей Е. К. — бессарабский помещик. В доме Варфоломея постоянно собиралась кишиневская молодежь и устраивались балы.

МОЁ БЕСПЕЧНОЕ НЕЗНАНЬЕ (стр. 152). Черновой набросок. Здесь впервые затронуты темы, развитые в стихотворениях «Демон» и «Свободы сеятель пустынный». Последние стихи прямо перенесены во второе стихотворение.

НАДЕЖДОЙ СЛАДОСТНОЙ МЛАДЕНЧЕСКИ ДЫША (стр. 154). При жизни Пушкина не печаталось.

ДЕМОН (стр. 155). Напечатано в «Мнемозине», 1824 г., ч. III. Стихотворение это было понято современниками, как психологический портрет Александра Раевского. По этому поводу Пушкин написал заметку. См. т. VII, стр. 36.

ПРОСТИШЬ ЛИ МНЕ РЕВНИВЫЕ МЕЧТЫ (стр. 156). Напечатано в «Полярной Звезде» на 1824 год, а затем перепечатано Пушкиным в «Литературных листках», так как в альманахе были допущены опечатки. Написано 11 ноября 1823 г.

Стихотворение обращено к Амалии Ризнич (1803—1825), итальянке, жене триестского коммерсанта, приехавшего весной 1823 г. в Одессу.

СВОБОДЫ СЕЯТЕЛЬ ПУСТЫННЫЙ (стр. 158). При жизни Пушкина не печаталось. Написано в ноябре 1823 г. Ср. «Мое беспечное незнанье». См. письмо Тургеневу от 1 декабря 1823 г.

Стихотворение вызвано поражением революции в Испании, подавленной французскими войсками. Эпиграф из Евангелия от Матфея, гл. 13, ст. 3.

Кн. М. А. ГОЛИЦЫНОЙ. Давно об ней воспоминанье (стр. 159). Напечатано в «Карманной книжке для любителей русской старины и словесности» на 1830 год.

Стихи обращены к М. А. Голицыной, внучке Суворова, известной любительнице музыки. Пушкин выражает благодарность Голицыной за то, что она пела романсы на его слова.

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ (стр. 160). Напечатано в «Московском Телеграфе», 1825 г., № 1. См. письмо Вяземскому от 29 ноября 1824 г.

ИЗ ПИСЬМА к В. П. ГОРЧАКОВУ. Зима мне рыхлою стеною (стр. 161). Стихотворный отрывок, сообщенный Горчаковым. По его свидетельству, писано в конце января 1823 г. В письме Пушкин осведомляется о бале, назначенном на понедельник у Варфоломея (см. прим. к стихотворению «Из письма к Вигелю»).

Л. ПУШКИНУ. Брат милый, отроком расстался ты со мной (стр. 162). Незаконченный необработанный отрывок. Ср. письмо брату от 21 июля 1822 г.

ВНЕМЛИ, О ГЕЛИОС, СЕРЕБРЯНЫМ ЛУКОМ ЗВЕНЯЩИЙ (стр. 163). Незаконченный черновой набросок. Стихи являются переводом начала эклоги А. Шенье «Слепец». В ней изображен приход Гомера на остров Сиру. Особенность перевода в том, что рифмованный александрийский стих оригинала Пушкин заменил более соответствующим античному сюжету гекзаметром.

М. Е. ЭЙХФЕЛЬД. Ни блеск ума, ни стройность платья (стр. 164). Отрывок из стихотворения, сообщенный В. П. Горчаковым. М. Е. Эйхфельд — жена кишиневского чиновника, за которой ухаживал приятель Пушкина Алексеев. Молодые люди, окружавшие Эйхфельд, слыли ее двоюродными братьями. Зоя — ее племянница. По рассказу Горчакова, стихи были заказаны Пушкину самой Эйхфельд для альбома. Окончания Горчаков не сообщил. По его словам «это послание, по некоторым выражениям чересчур сильной речи, не могло быть не только напечатанным, но даже отдано той, к которой писано, особенно, что относилось до Зои, родственницы ее».

БЫВАЛО В СЛАДКОМ ОСЛЕПЛЕНЬЕ (стр. 165). Незаконченный отрывок. Ср. «Мое беспечное незнанье». Возможно, что данный отрывок должен был служить началом для этого стихотворения.

ПРИДЕТ УЖАСНЫЙ ЧАС... (стр. 166). Незаконченный и необработанный отрывок.

ВЕЧЕРНЯ ОТОШЛА ДАВНО (стр. 167). Необработанное начало незавершенного произведения.

КАК НАШЕ СЕРДЦЕ СВОЕНРАВНО! (стр. 169). Необработанный набросок.

ТУМАНСКИЙ, ФЕБУ И ФЕМИДЕ (стр. 170). Необработанный набросок.

Туманский В. И. (1800—1860) — поэт, с 1823 г. служил в Одессе и здесь сблизился с Пушкиным. В сентябре 1823 г. ездил в Крым, повидимому со служебным поручением.

ОТРЫВКИ (стр. 171).

Мой пленник вовсе не любезен. По поводу балетной постановки «Кавказского пленника» по программе Дидло в Петербурге в январе 1823 г.

Ризнич — см. «Простишь ли мне ревнивые мечты».

Рено — жена француза-коммерсанта барона Рено. Эти отрывочные строки сообщены Липранди как образцы эпиграмм на одесских дам.

1824 (Юг)

НЕДВИЖНЫЙ СТРАЖ ДРЕМАЛ НА ЦАРСТВЕННОМ ПОРОГЕ (стр. 172). При жизни Пушкина по цензурным основаниям не печаталось.

Владыка севера — Александр I. В данном стихотворении он изображен после возвращения в Россию с Веронского конгресса (февраль 1823), когда реакционная политика Священного союза во главе с Александром задушила революционные движения на юге Европы.

Чудный муж — Наполеон.

ДАВЫДОВУ. Нельзя, мой толстый Аристип (стр. 175). Напечатано в «Московском Вестнике», 1829 г., ч. I. Написано в апреле 1824. Обращено к А. Л. Давыдову и является ответом на его приглашение ехать на южный берег Крыма. Поездка была организована Воронцовым, но Пушкин был исключен из числа приглашенных.

ПРОЗЕРПИНА (стр. 176). Напечатано в «Северных Цветах» на 1825 год. Написано 26 августа 1824. Стихотворение является вольным переводом 27-й картины из «Превращений Венеры» Парни.

ВСЕ КОНЧЕНО: МЕЖ НАМИ СВЯЗИ НЕТ (стр. 178). При жизни Пушкина не печаталось.

ЗАЧЕМ ТЫ ПОСЛАН БЫЛ И КТО ТЕБЯ ПОСЛАЛ? (стр. 179). Необработанный набросок. В стихотворении описывается историческая судьба Наполеона.

КОРАБЛЮ (стр. 180). Необработанный набросок. Предполагают, что стихи связаны с отъездом Е. К. Воронцовой в Крым в июне 1824 г.

О БОГИ МИРНЫЕ ПОЛЕЙ, ДУБРОВ И ГОР (стр. 181). Необработанный отрывок.

НА ВОРОНЦОВА. Полу-милорд, полу-купец (стр. 182). В таком виде эта эпиграмма распространялась в списках. В письме Вяземскому (октябрь 1824) Пушкин сообщил ее в другой редакции:

Полугерой, полуневежда,
К тому ж еще полуподлец!..
Но тут однако ж есть надежда,
Что полный будет наконец.

НА ВОРОНЦОВА. Певец-Давид был ростом мал (стр. 183). Черновой неразборчивый набросок. Последние строки читаются предположительно.

ПРИЮТ ЛЮБВИ, ОН ВЕЧНО ПОЛН (стр. 184). Черновой набросок.

1824 (Михайловское)

ИЗ ПИСЬМА К ВУЛЬФУ. Здравствуй, Вульф, приятель мой! (стр. 185). Стихотворная часть письма от 20 сентября 1824 г.

Вульф Алексей Николаевич (1805—1881) — сын П. А. Осиповой, помещицы Тригорского — имения, находившегося рядом с Михайловским. А. Вульф учился в Дерптском университете вместе с Н. М. Языковым.

К ЯЗЫКОВУ. Издревле сладостный союз (стр. 186). Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 16, 17 марта, с цензурными сокращениями: слово «самовластье» заменено словом «непогода», и послание обрывалось на словах «Я жду тебя». Писано 20 сентября 1824.

Н. М. Языков отвечал посланием «Не вовсе чуя бога света». В Михайловское он приехал только летом 1826 года.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ (стр. 188). Напечатано в форме предисловия при издании первой главы «Евгения Онегина» (1825 г.). Написано 6 сентября 1824.

Стих «Пускай их юноша поет» в первом издании читался:

Пускай их Шаликов поет

Также и в рукописи, но первоначально было:

Пускай их Батюшков поет.

См. об этом письма Пушкина Вяземскому от 19 февраля и 25 мая 1825 г.

К МОРЮ (стр. 195). Напечатано в альманахе «Мнемозина», 1824 г., ч. IV (вышел в свет в октябре 1825).

В печати из строфы 13 печатались только начальные слова «Мир опустел...» Остальное заменялось точками. Однако по рукам разошлись полные списки стихотворения. Во избежание неприятных последствий для автора в «Мнемозине» было сделано примечание: «В сем месте автор поставил три с половиной строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено князем П. А. Вяземским в подлиннике и здесь напечатано точно в том виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина. Некоторые списки оного, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями».

«Заветным умыслом томим». Пушкин говорит о своих приготовлениях к бегству из Одессы, кончившихся неудачей.

«Другой властитель наших дум». Байрон. Он умер 19 апреля 1824 г.

КОВАРНОСТЬ (стр. 198). Напечатано в «Московском Вестнике», 1828 г., ч. VIII, № 6 (март). Писано 18 октября 1824.

Возможно, что стихотворение относится к Александру Раевскому, сыгравшему неблаговидную роль в отношениях Пушкина к Е. К. Воронцовой.

О ДЕВА-РОЗА, Я В ОКОВАХ (стр. 199). Напечатано в сборнике 1826 г. под названием «Подражание турецкой песне» и с датой 1820. Однако эта дата опровергается положением черновика среди стихотворений, писанных осенью 1824 г. в Михайловском. Точно так же не подтверждается и указание на подражание. Мотив соловья, влюбленного в розу, является общим местом восточной поэзии.

Поставленную Пушкиным дату «1820» следует понимать как указание на то, что стихи связаны с крымскими впечатлениями. Так же Пушкин поступил с рядом стихотворений, писанных в 1824 г. Указание на подражание имело задачей скрыть автобиографическое значение стихотворения.

ВИНОГРАД (стр. 200). Напечатано в сборнике 1826 г. с неверной датой «1820», вызванной, вероятно, теми же соображениями, что и датировка предыдущего стихотворения.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА (стр. 201). Напечатано в сборнике 1826 г. с датой «1820». Ср. «О дева-роза, я в оковах». В 1820 г. Пушкин не мог писать о Марии и Зареме, так как замысел поэмы «Бахчисарайский фонтан» относится к более позднему времени. Дата определяется положением черновика в тетрадях Пушкина.

НОЧНОЙ ЗЕФИР (стр. 202). Напечатано в альманахе «Литературный Музеум» на 1827 год. Написано 13 ноября 1824.

НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХ (стр. 203). Напечатано в сборнике 1826 г. с датой 1823. Однако этой дате противоречит содержание стихотворения: северный пейзаж Михайловского противопоставлен южному одесскому пейзажу.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ (стр. 204). Напечатаны в сборнике 1826 г. Писаны в ноябре 1824. В этих подражаниях Пушкин пользовался русским переводом Корана М. Веревкина изд. 1790 года. Однако в своем переложении выбранных им отрывков он далеко отходил от оригинала и влагал в стихи смысл, часто отсутствующий в подлиннике. Поэтому подражания следует рас-

сматривать как оригинальные стихи Пушкина, иногда наполненные автобиографическим содержанием и только стилизованные в духе Корана. Посвящение П. А. Осиповой объясняется тем, что подражания Корану писались преимущественно в ее имении Тригорском, где Пушкин проводил дни после ссоры с отцом, вызванной тем, что Сергей Львович принял на себя поручение полицейских властей следить за поведением сына.

I. *Клянусь четой и нечетой* (стр. 204). Переложение главы (суры) XCIII «Солнце восходящее». В тексте Корана совершенно отсутствует указание на «гонение» и на «власть языка». Введенные Пушкиным черты автобиографичны. Тема первого подражания позднее развита в «Пророке». Формулы клятв пополнены из других глав, например из главы «Заря». «Чета и нечета» следует понимать как «сочетаемое и несочетаемое» (соединение и разделение).

II. *О, жены чистые пророка* (стр. 204). В основу подражания положены два отрывка из гл. XXXIII «Артели, или участки людей ратных». К этому же месту Корана относится черновой набросок:

Пророк мой вам того не скажет,
Он вежлив, скромен...

Но Пушкин отказался от переложения этих слов в стихи и перенес их в примечание ко второму подражанию.

III. *Смутясь, нахмурился пророк* (стр. 205). Переложение главы LXXX «Слепой».

IV. *С тобою древле, о всесильный* (стр. 206). Подражание отрывку из гл. II «Крава». В оригинале это место изложено как поучение Авраама «неверному царю», возомнившему себя равным богу. Ср. аналогичные мотивы в стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге».

V. *Земля недвижна — неба своды* (стр. 207). Подражание отрывкам из разных мест Корана: гл. XXI «Пророк», XXIV «Сияние», XXXI «Создатель» и V «Брашно».

VI. *Недаром вы приснились мне* (стр. 207). Вольный и сокращенный пересказ главы XLVIII «Победа». При этом переложению придан такой характер, чтобы

его, можно было понять, как изображение будущей победы единомышленников поэта. После стиха «Не шли, не веря дивным снам» в рукописи приписано четверостишие, не появившееся в печати:

Они твердили: пусть виденья
Толкует хитрый Магомет,
Они ума его творенья,
Его ль нам слушать — он поэт!..

VII. *Восстань, боязливый* (стр. 208). Подражание началу гл. LXXIII «Робкий».

VIII. *Торгуя совестью пред бледной нищетой* (стр. 208). Подражание отрывку из гл. II' «Крава», непосредственно следующему за тем, которым Пушкин воспользовался для IV подражания.

IX. *И путник усталый на бога роптал* (стр. 209). Совершенно свободное развитие нескольких слов из гл. II «Крава». См. «Из ранних редакций», стр. 394.

Примечания (стр. 210). В первом издании четвертое примечание читалось: «Из книги «Слепец» (Тифля). Вот почему слово сие почитается у турков за жесточайшую брань». Примечание это исключено Пушкиным, вероятно, потому, что кто-нибудь разъяснил ему его ошибочность: слово «тифля» не турецкое, а греческое, а Коран писан не по-турецки, а по-арабски.

ТЫ ВЯНЕШЬ И МОЛЧИШЬ: ПЕЧАЛЬ ТЕБЯ СНЕДАЕТ (стр. 212). Напечатано в сборнике 1826 г. с пометой «Подражание Ан. Шенье». Вольный перевод стихотворения А. Шенье «Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire».

ЧААДАЕВУ. К чему холодные сомненья? (стр. 213). Напечатано в «Северных Цветах» на 1826 год в составе «Отрывка из письма к Д.» (см. т. VI, стр. 634), а перед тем в «Северной Пчеле», 1825 г., № 12, 27 января.

Пушкин печатал послание под 1820 г., изобразив в «Отрывке из письма к Д.» дело так, как будто бы написал эти стихи в Крыму на развалинах храма Дианы. Это опровергается положением черновика в тетрадях Пушкина и содержанием. *Холодные сомненья* — мнение И. М. Муравьева-Апостола о том, что храм Дианы на-

ходился не у мыса Георгиевского монастыря. Об этом он писал в своем «Путешествии по Тавриде» (1823 г.), которое Пушкин прочитал в 1824 г.

Провозвестница Тавриды — Ифигения. Стихотворение основано на мифе о бегстве Ифигении с братом Орестом, осужденным на принесение в жертву Диане.

«Святое дружбы торжество» — соревнование Ореста и Пилада в самопожертвовании.

«Чадаев, помнишь ли былое?» См. послание к Чадаеву 1818 г. «Любви, надежды, тихой славы».

АКВИЛОН (стр. 214). Напечатано в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», 1837 г., № 1, 2 января, с датой 1824.

Стихотворение основано на сюжете известной басни «Дуб и тростник», но с придачей ему иного иносказательного значения. Дата «1824» поставлена Пушкиным и на копии стихотворения, сделанной в 1830 году, но можно предполагать, что дата эта поставлена с целью скрыть намеки стихотворения. Возможно, что стихи писаны в 1825 г. по получении известия о смерти Александра I.

ПУСКАЙ УВЕНЧАННЫЙ ЛЮБОВЬЮ КРАСОТЫ (стр. 215). При жизни Пушкина не печаталось.

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ К ЦЕНЗОРУ (стр. 216). Распространялось в списках (в первоначальной редакции, до окончательной обработки; ср. письмо Вяземскому от 25 января 1825 г.). Послание вызвано отставкой Голицына и назначением на должность министра народного просвещения, в ведение которого входила цензура, А. С. Шишкова. Так как Шишков известен был запиской против нелепых цензурных придирок («Он с нами сетовал»), то Пушкин возлагал надежды на смену министерства. Однако правление Шишкова ознаменовалось изданием в 1826 г. так называемого «чугунного» цензурного устава, дававшего цензуре все средства неограниченного произвола.

Тимковский И. О. — петербургский цензор до 1821 г.

Божественный, небесный. Эти слова в применении к женской красоте запрещал цензор Красовский.

«Хоть знаю, что прочел ты жалобу мою». Послание к цензору 1821 г.

Святой отец — Голицын, министр народного просвещения и духовных дел.

Бантыш — Бантыш-Каменский В. Н., старший сын московского археографа, брат историка, известный своими пороками.

Магницкий М. Л. (1778—1855) — один из главных представителей официального мракобесия, участник разгрома Петербургского университета в 1821 г.

Кавелин Д. А. Прежде был членом «Арзамаса»; в качестве директора Петербургского университета принял участие в реакционном разгроме университета в 1821 г.

Галич А. И. — бывший профессор Лицея; в 1821 г. был обвинен в том, что его книга «История философских систем» подобна «тлетворному яду». Галич письменно покаялся в «грехах юности и неведения», что вызвало восторг Кавелина, и Галичу было предложено в печати «торжественно описать свое обращение и отречение от мнимого просвещения, на лжеименном разуме основанного».

КЛЕОПАТРА (стр. 219). При жизни Пушкина не печаталось. Писано в октябре 1824 г.

Стихотворение является первой редакцией в обработке замысла, к которому Пушкин не раз возвращался. Здесь в форме «исторической элегии» разработан сюжет, основанный на данных исторического сочинения «О знаменитых мужах», приписываемого Аврелию Виктору. Эта первая редакция переработана в 1828 году. Редакция 1828 г. обычно включается в текст «Египетских ночей» (см. т. VI, стр. 386—389).

Основанная на скудных фразах Аврелия Виктора (см. т. VI, стр. 603), элегия ограничивается характеристикой психологической ситуации, без описания обстановки. Позднее, вероятно исходя из исторических данных Плутарха, Пушкин изменил план, введя в него подробности археологического порядка. Первым следом такого изменения плана является отрывок «И вот уже сокрылся день» (т. VI, стр. 389, сноска). Этот отрывок писан, вероятно, не раньше 1830 г. Дальнейшая обработка нового плана сделана Пушкиным для повести «Мы проводили вечер на даче» (см. т. VI, стр. 604—606), и в стихи введено много подробностей описательного порядка. Эта переработка осталась незаконченной.

ТИМКОВСКИЙ ЦАРСТВОВАЛ — И ВСЕ ТВЕРДИЛИ ВСЛУХ (стр. 222). Эпиграмма дошла до нас в копиях. Тимковский, Красовский и Бируков — петербургские цензоры.

ГРАФУ ОЛИЗАРУ. Певец! издревле меж собою (стр. 223). Черновой набросок.

Граф Олизар, Густав (1798—1864) — поляк, в 1823 г. сватался за Марию Раевскую, но получил отказ; писал стихи.

ИЗ ПИСЬМА К ПЛЕТНЕВУ. Ты издал дядю моего (стр. 225). Из черновика письма Плетневу, писанного в октябре 1824 г.

КАК ЖЕНИТЬСЯ ЗАДУМАЛ ЦАРСКИЙ АРАП (стр. 226). Черновой незаконченный набросок. Стихи написаны в духе народных песен; они основаны на преданиях об Абраме Ганнибале, легших позднее в основу сюжета «Арапа Петра Великого».

Т — ПРАВ, КОГДА ТАК ВЕРНО ВАС (стр. 227). При жизни Пушкина не печаталось.

Т — вероятно поэт В. И. Туманский. Впрочем, стихотворение его, где было бы сравнение с радугой, нам неизвестно, равно как неизвестно, к кому обращено данное стихотворение.

МНЕ ЖАЛЬ ВЕЛИКИЯ ЖЕНЫ (стр. 228). Необработанный сатирический набросок о Екатерине II.

ПОКА СУПРУГ ТЕБЯ, КРАСАВИЦУ МЛАДУЮ (стр. 229). Необработанный отрывок неизвестного замысла Пушкина.

ОХОТНИК ДО ЖУРНАЛЬНОЙ ДРАКИ (стр. 230). Напечатано в сборнике 1826 г. Эпиграмма направлена против Каченовского.

ЛИХОЙ ТОВАРИЩ НАШИХ ДЕДОВ (стр. 231). При жизни Пушкина не печаталось.

ПРЕЗРЕВ И ГОЛОС УКОРИЗНЫ (стр. 232). Черновой набросок. Стихотворение посвящено планам бегства из Михайловского, обсуждавшимся с братом.

К САБУРОВУ. Сабуров, ты оклеветал (стр. 234). Черновой набросок.

Сабуров Я. И.— лейб-гусар, с которым Пушкин познакомился еще в Лицее и встречался в Кишиневе и Одессе. Ср. стихотворения «Пройдет любовь, умрут желанья» (1817), «Я сам в себе уверен».

МЛАДЕНЦУ (стр. 235). Черновой набросок.

ЛИЗЕ СТРАШНО ПОЛЮБИТЬ (стр. 236). При жизни Пушкина не печаталось.

ИЗ ПИСЬМА К РОДЗЯНКЕ. Прости, украинский мудрец (стр. 237). См. письмо к А. Г. Родзянко от 8 декабря 1824 г.

ПОСЛАНИЕ К Л. ПУШКИНУ. Что же? будет ли вино? (стр. 238). Беловой текст этого послания до нас не дошел. Пять стихов Пушкин привел в примечании 25 к «Евгению Онегину». Остальное сохранилось в черновике.

С ПЕРЕГОРОДКОЮ КОМОРКИ (стр. 239). Необработанный набросок.

ОТРЫВКИ (стр. 240).

Как узник. «Шильонский узник».

Слаб и робок человек. Может быть, связано с «Подражаниями Корану».

1825

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО (стр. 241). Напечатано среди элегий сборника 1826 г.

НА ВОРОНЦОВА. Сказали раз царю, что наконец (стр. 242). Эпиграмма распространялась в списках. Пушкин имеет в виду эпизод на обеде, данном в Тульчине 1 октября 1823 г. после смотра войск Александром I. Перед выходом к столу Александр получил письмо Шатобриана (в то время министра иностранных дел Франции) об аресте Риего. Об этом Александр сообщил присутствовавшим на обеде. Воронцов при этом сказал: «Какое счастливое известие, ваше величество». Присутствовавший на обеде Басаргин (декабрист) прибавляет: «Эта выходка так была неуместна, что ответом этим он много потерял тогда в общем мнении. И в самом деле, зная, какая участь ожидала бедного Риего, жестоко было радоваться этому известию». Риего был казнен 26 октября (7 ноября) в Мадриде.

ПРИЯТЕЛЯМ (стр. 243). Напечатано в «Московском Телеграфе», 1825 г., № 3, под произвольным названием, данным стихотворению Вяземским: «Журнальным приятелям». По этому поводу в «Северной Пчеле» Булгарина появилось следующее заявление: «А. С. Пушкин просил издателей «Северной Пчелы» известить публику, что стихи его сочинения, напечатанные в № 3 «Московского Телеграфа», на стр. 215, под заглавием «К журнальным приятелям», должно читать просто: «К приятелям». См. письмо Вяземскому от июля 1825 г.

СОВЕТ (стр. 244). Напечатано в «Невском альманахе» на 1826 год.

НАПРАСНО АХНУЛА ЕВРОПА (стр. 245). При жизни Пушкина не печаталось. Альманах «Полярная Звезда» на 1825 год, уже отпечатанный, погиб во время петербургского наводнения 7 ноября 1824 г. Однако его отпечатали еще раз и он вышел с опозданием, 21 марта 1825 г.

ОДА ЕГО СИЯТ. гр. Дм. Ив. ХВОСТОВУ (стр. 246). Сохранилась в рукописи Пушкина. Написана, вероятно, в марте. Ода пародирует архаические стихи Хвостова, попутно задевая и тех, кто увлекался стилем старых од (Кюхельбекер и др.).

ЖИВ, ЖИВ КУРИЛКА! (стр. 249). При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма направлена против Каченовского.

КОЗЛОВУ. Певец! когда перед тобой (стр. 250). Напечатано в сборнике 1826 г. с подзаголовком: «При получении от него Чернеца». Писано 15 мая 1825.

И. И. Козлов приобрел известность поэта после того как он ослеп. Его поэма «Чернец» вышла в свет в 1825 г.

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ (стр. 251). Напечатано в «Соревнователе просвещения», 1825 г., № 6.

EX UNGUE LEONEM (стр. 253). Напечатано в «Московском Телеграфе», 1825 г., № 13.

По поводу стихотворения «Приятелям», напечатанного за подписью А. П., А. Е. Измайлов напечатал анонимную заметку в «Благонамеренном», где говорил:

«Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть *когти!*» Этим и вызвана настоящая эпиграмма. См. письмо Вяземскому от начала июля 1825 г.

П. А. О***. Быть может, уж недолго мне (стр. 254). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год. Вписано в альбом П. А. Осиповой с датой «С. Михайловское. 25 июня 1825».

«Но и в дали, в краю чужом» — намек на планы бегства.

ХРАНИ МЕНЯ, МОЙ ТАЛИСМАН (стр. 255). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихотворение, вероятно, связано с «кольцом-талисманом», подаренным Пушкину в Одессе Воронцовой.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ (стр. 256). Напечатано с цензурными сокращениями в сборнике 1826 г.

Стихотворение это имеет автобиографический смысл, о чем и писал Пушкин Вяземскому 13 июля 1825 г., а затем после получения известия о смерти Александра I Плетневу 4—6 декабря.

Запрещенные цензурой стихи (от «Приветствую тебя, мое светило» до «И буря мрачная минет») распространились в 1826 г. в списках с произвольным заголовком «На 14 декабря». Стихи дошли до правительства, и началось длительное политическое дело, причем к допросу привлекли и Пушкина, разъяснившего, откуда взяты эти стихи. Дело кончилось в Государственном совете в июле 1828 г. учреждением секретного полицейского надзора за Пушкиным.

К РОДЗЯНКЕ. Ты обещал о романтизме (стр. 263). При жизни Пушкина не печаталось. Стихи являются ответом Родзянке на его письмо из Лубн от 10 мая 1825 г. с приписками А. П. Керн. В этом письме А. Г. Родзянко обещает писать о литературе, но основная тема — Анна Петровна Керн. Родзянко писал о ней: «теперь вздумала мириться с Ермолаем Федоровичем (мужем), снова пришло остывшее давно желание иметь законных детей, и я пропал». Ср. стихотворение 1824 г. «Прости, украинский мудрец».

Пирон (1689—1773) — французский поэт, драматург и сатирик, известный своими юношескими нескромными стихами.

К ***. Я помню чудное мгновенье (стр. 265). Напечатано в «Северных Цветах» на 1827 год.

Стихи были вручены Пушкиным Анне Петровне Керн 19 июля 1825 г., в день ее отъезда из Тригорского.

А. П. Керн (1800—1879) — племянница П. А. Осиповой; летом 1825 г. гостила в Тригорском и здесь постоянно встречалась с Пушкиным, а после отъезда была с ним в переписке (см. письма Пушкина в т. X). Впервые Пушкин встретился с ней в доме Олениных в 1819 г.

ЖЕНИХ (стр. 266). Напечатано в «Московском Вестнике», 1827 г., № 13 с подзаголовком «Простонародная сказка». В рукописи датировано 30 июля 1825.

ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТ (стр. 273). Напечатано в «Московском Телеграфе», 1825 г., № 17.

Стихотворение записано Пушкиным в альбом Евпраксии Вульф, дочери П. А. Осиповой.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ (стр. 274). Напечатано в сборнике 1826 г.

Н. Н. Примите «Невский Альманах» (стр. 275). Напечатано в «Невском альманахе» на 1826 год.

В альманахе имена были частью обозначены иначе, частью зашифрованы:

Вы тут найдете Полевого,
Василья Пушкина, ...кова
К... дальный ваш родня,
и т. д.

В издании стихотворений 1829 г. эти строки печатались так:

Вы тут найдете *** ова,
Вел *** Хв *** ова,
К ***, дальний ваш родня,
и т. д.

Эти зашифровки имен вызывали недоразумения. Так, Катенин под буквой «К» усмотрел свое имя.

САФО (стр. 276). Напечатано в сборнике 1826 г.

Стихи не заимствованы из Сафо. Пушкин имеет в виду любовь Сафо к Фаону.

ЦВЕТЫ ПОСЛЕДНИЕ МИЛЕЙ (стр. 277). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 16 октября 1825 г.

Стихи обращены к П. А. Осиповой по поводу присылки осенних цветов.

19 ОКТЯБРЯ (стр. 278). Напечатано в «Северных Цветах» на 1827 год, с заменой всех имен звездочками (см. письмо Бенкендорфу от 22 марта 1827 г.). Кроме того, по цензурным условиям пропущено восемь стихов, начиная с «Полней, полней! и сердцем возгоря».

В рукописи имеется несколько строф, отброшенных или замененных Пушкиным (см. «Из ранних редакций»).

19 октября (1811 года) — день открытия Лицея. Эту годовщину лицеисты ежегодно справляли.

«Он не пришел, кудрявый наш певец». Н А. Корсаков. Он умер в Италии в 1820 г.

«Чужих небес любовник беспокойный». Ф. Ф. Матюшкин (1799—1872), моряк. С 1817 по 1819 г. плавал к берегам Камчатки; с 1820 по 1824 г. принимал участие в экспедиции для описания берегов Ледовитого океана; в августе 1825 г. отправился в кругосветное плавание.

«На долгую разлуку...» — цитата из прощальной песни Дельвига, сочиненной по случаю окончания Лицея:

Судьба на вечную разлуку
Быть может съединила нас.

«О Пущин мой, ты первый посетил». Пущин был в Михайловском у Пушкина 11 января 1825 г.

«Ты, Горчаков...» А. М. Горчаков виделся с Пушкиным в сентябре 1825 г., когда проездом он останавливался у своего родственника в селе Лямонове, недалеко от Михайловского.

«О Дельвиг мой...» А. Дельвиг гостил у Пушкина в Михайловском в апреле 1825 г.

«Скажи, Вильгельм...» В. Кюхельбекер. В 1821—1822 гг. он служил на Кавказе.

СОЛОВЕЙ И КУКУШКА (стр. 283). Напечатано в альманахе «Урания» на 1826 год.

Здесь Пушкин высмеивает модное увлечение унылыми элегиями.

ДВИЖЕНИЕ (стр. 284). Напечатано вместе с предыдущим.

Мудрец брадатый — греческий философ Зенон.

«Другой смолчал»... Диоген. На тему о движении у Пушкина имеется заметка, являющаяся как бы планом данного стихотворения: «On a admiré le Cynique qui marcha devant celui qui niait le mouvement. Le soleil fait tous les jours la même chose que Diogène, mais ne persuade personne».

ВСЁ В ЖЕРТВУ ПАМЯТИ ТВОЕЙ (стр. 285). При жизни Пушкина не печаталось.

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА (стр. 286). Напечатано в «Московском Вестнике», 1828 г., № 8. Эта сцена совершенно оригинальна и не имеет соответствия никакому отрывку из «Фауста» Гёте.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР (стр. 291). Напечатано в «Северных Цветах» на 1830 год.

Моя старушка — няня Пушкина Арина Родионовна.

В КРОВИ ГОРИТ ОГОНЬ ЖЕЛАНЬЯ (стр. 293). Напечатано в «Московском Вестнике», 1829 г., ч. I. См. следующее стихотворение.

ВЕРТОГРАД МОЕЙ СЕСТРЫ (стр. 294). Напечатано вместе с предыдущим под общим заголовком «Подражания». Пушкин не указал на источник из цензурных соображений. Оба стихотворения написаны на темы «Песни песней». Первое — гл. I, ст. 1—2; второе — гл. IV, ст. 12—14.

БУРЯ (стр. 295). Напечатано в «Московском Вестнике», 1827 г., № 2. В журнале седьмой стих напечатан: «И ветер воил и летал». Стих исправлен в издании стихотворений 1829 г. Об этой ошибке против языка Пушкин писал в статье «Опровержение на критики» (см. т. VII, стр. 174).

ЛЮБЛЮ ВАШ СУМРАК НЕИЗВЕСТНЫЙ (стр. 296). Напечатано в «Московском Телеграфе», 1826 г., № 1. Включено Пушкиным в издание «Стихо-

творений» 1829 г. с датой «1822». Дата, поставленная Пушкиным, объясняется тем, что стихотворение представляет собой переработку отрывка из «Тавриды» 1822 г. Однако, переработав эти стихи, Пушкин придал им новый смысл, характерный для его настроения 1825, а не 1822 г.

ПРОЗАИК И ПОЭТ (стр. 298). Напечатано в «Московском Вестнике», 1827 г., № 4.

ХОТЯ СТИШКИ НА ИМЕНИНЫ (стр. 299). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи обращены к Анне Н. Вульф, дочери П. А. Осиповой. Анна по-еврейски значит «благодать».

ЧТО С ТОБОЙ, СКАЖИ МНЕ, БРАТЕЦ? (стр. 300). Черновой набросок.

С ПОРТУГАЛЬСКОГО. Там звезда зари взошла (стр. 301). При жизни Пушкина не печаталось.

Автор стихотворения — Т. А. Гонзага (1744—1807), бразильский поэт, автор любовных стихов, в которых он воспевал Марилью (М. Ж. Сейшаш). Пушкин переводил эти стихи, повидимому, с французского.

НАЧАЛО I ПЕСНИ «ДЕВСТВЕННИЦЫ» (стр. 303). При жизни Пушкина не печаталось.

Довольно близкий перевод начальных стихов «Девственницы» Вольтера.

«О ты, певец сей чудотворной девы». Шаплен, автор поэмы об Иоанне д'Арк, осмеянный в сатирах Буало.

ТВОЕ СОСЕДСТВО НАМ ОПАСНО (стр. 304). Черновой набросок.

«Опасный сосед» — поэма В. Л. Пушкина.

НА Ф. Н. ГЛИНКУ. Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах (стр. 305).

При жизни Пушкина не печаталось. Эпиграмма направлена против поэта Федора Глинки, писавшего стихотворные «Псалмы». *Кутейкин* — из «Недоросля» Фонвизина. Глинка был гвардейским полковником.

Ижица — последняя буква старого алфавита.

QUAND AU FRONT DU CONVIVE, AU BEAU SEIN DE DÉLIE (стр. 306). Черновой набросок. Ср. следующее стихотворение.

ЛИШЬ РОЗЫ УВЯДАЮТ (стр. 307). Черновой набросок. Стихи на ту же тему, что и предыдущие французские.

НАБРОСКИ К ЗАМЫСЛУ О ФАУСТЕ (стр. 308). Черновые наброски неосуществленного замысла драмы о Фаусте в аду.

Я БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ ЗЛАТОЙ ТВОЕЙ ВЕСНЫ (стр. 311). Черновой набросок.

О. С. ПУШКИНОЙ (стр. 312). Из письма брату от 7 апреля 1825 г.

БЛЕСТИТ ЛУНА, НЕДВИЖНО МОРЕ СПИТ (стр. 313). Черновой набросок какого-то замысла о Крыме.

ЗАСТУПНИКИ КНУТА И ПЛЕТИ (стр. 314). Черновой, едва разборчивый набросок. Связан с той «опекой», которую проявили друзья поэта Плетнев, Вяземский и Жуковский, узнавшие о попытке Пушкина бежать из Михайловского и помешавшие осуществлению его замысла. Последний стих внушает большие сомнения как по чтению неразборчивых слов, так и по смыслу: вряд ли можно полагать, что призванный на расправу может дать кнут своим обвинителям. Вернее предположить, что Пушкин иронически благодарит друзей за те истязания, которым он может подвергнуться со стороны царской политической полиции, во власти которой он, благодаря друзьям, остался.

СЛОВЕСНОСТЬ РУССКАЯ БОЛЬНА (стр. 315). Черновой набросок.

НА НЕБЕСАХ ПЕЧАЛЬНАЯ ЛУНА (стр. 316). Черновой набросок.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ. Сатирик и поэт любовный (стр. 317). Приписка к письму от сентября 1825 г. В письме примечание: «Variante: Василий Львович тонкий, острый».

Ср. «Элегию на смерть Анны Львовны».

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ. В глуши, измучась жизнью постной (стр. 318). Из письма, датируемого около 7 ноября 1825 г.

Пушкин отвечал на письмо Вяземского от 16 октября, начинавшееся стихами:

Ты сам Хвостова подражатель,
Красот его любостяжатель,
Вот мой, его, твой, наш навоз...

«Отца зубастых голубей». В «притче» (басне) «Два голубя» Хвостова имеется стих:

Кой-как разгрыз зубами узелки.

Эта басня часто подвергалась осмеянию.

БРОВИ ЦАРЬ НАХМУРЯ (стр. 319). Стихи, сообщенные Пушкиным Дельвигу в письме от октября — ноября 1825 г., как «приращение к куплетам Эристова». Что такое эти куплеты, в точности неизвестно.

ИЗ ВОЛЬТЕРА. Короче дни, а ночи доле (стр. 320). Черновые наброски отрывков из сказки Вольтера «Что нравится женщинам».

ПОД КАКИМ СОЗВЕЗДИЕМ (стр. 321). Отрывок неоконченного стихотворения.

АННЕ Н. ВУЛЬФ. Увы! напрасно деве гордой (стр. 322). По свидетельству А. П. Керн, эти стихи были написаны для альбома А. Вульф, причем Пушкин «два последние стиха означил точками». Однако в устной передаче Керн сохранились и последние нескромные стихи.

ОТРЫВКИ (стр. 323).

Играй, прелестное дитя, Вкус верный..., Смеетесь вы..., Он вежлив был..., Скажи мне, ночь..., Кюхельбекеру — наброски в черновых тетрадях.

Как широко... См. письма А. Н. Вульфу от конца августа и 10 октября 1825 г.

В пещере тайной, в день гоненья. Ср. набросок 1824 г. «Приют любви, он вечно полн».

1826

К БАРАТЫНСКОМУ. Стих каждый в повести твоей (стр. 325). Напечатано в «Московском Вестнике», 1829 г., ч. I.

Чухоночка — поэма Баратынского «Эда».

Твой зоил — Булгарин, напечатавший в «Северной Пчеле» (1826 г., № 20, 16 февраля) рецензию, в которой находил поэму «прозаической и вялой», а стихи «не отличными».

К Е. Н. ВУЛЬФ. Вот, Зина, вам совет: играйте (стр. 326). При жизни Пушкина не печаталось. Вписано в альбом Евпраксии Н. Вульф, дочери П. А. Осиповой, 1 июля 1826 г.

ИЗ АРИОСТОВА «ORLANDO FURIOSO» (стр. 327). При жизни Пушкина не печаталось.

ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ СТРАНЫ СВОЕЙ РОДНОЙ (стр. 332). Напечатано в «Северных Цветах» на 1828 год. В издании Стихотворений 1829 г. датировано 1825 годом. В рукописи имеет дату 29 июля 1826. Под стихотворением в рукописи — сокращенные записи о смерти Ризнич, а также о смерти декабристов (см. том VIII, стр. 20 и 492).

Стихи вызваны известием о смерти Амалии Ризнич; она умерла за границей в 1825 году.

К ВЯЗЕМСКОМУ. Так море, древний душегубец (стр. 333). Сообщено Пушкиным Вяземскому в письме от 14 августа 1826 г., в ответ на его стихотворение «Море». Ср. письмо А. И. Тургеневу от 16 января 1837 г.

Стихи вызваны слухами о том, что Николай Ив. Тургенев, обвиненный по делу декабристов, арестован в Лондоне и привезен на корабле в Петербург. Слух этот оказался неверным.

К ЯЗЫКОВУ. Языков, кто тебе внушил (стр. 334). Напечатано в «Московском Вестнике», 1827 г., № 9. Написано 28 августа 1826.

Ответ на послание Н. М. Языкова «О ты, чья дружба мне дороже».

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ (стр. 335). При жизни Пушкина не печатались, так как были запрещены цензурой.

ПРИЗНАНИЕ (стр. 338). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи обращены к Александре Ив. Осиповой, падчерице П. А Осиповой.

ПРОРОК (стр. 340). Напечатано в «Московском Вестнике», 1828 г., № 3. Написано 8 сентября 1826.

К. А. ТИМАШЕВОЙ (стр. 342). Напечатано в альманахе «Радуга» на 1830 год. Писано в Москве 20 октября 1826.

Стихотворение написано в альбом московской поэтессы Екат. Ал. Тимашевой (1798—1881).

Запретная роза — прозвище, данное племяннице Тимашевой — Е. П. Лобановой-Ростовской.

И. И. ПУЩИНУ. Мой первый друг, мой друг бесценный (стр. 343). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 13 декабря 1826, во Пскове.

Стихотворение было переслано Пущину в Сибирь на каторгу вместе с посланием декабристам «Во глубине сибирских руд».

Для первой строфы этого стихотворения Пушкин взял без изменений 5 первых стихов неоконченного послания Пущину, писанного еще в 1825 г. См. «Из ранних редакций».

СТАНСЫ. В надежде славы и добра (стр. 344) Напечатано в «Московском Вестнике», 1828 г., № 1. Написано 22 декабря 1826, в Москве.

Пушкин рассматривал это стихотворение как план прогрессивной политики, на которую он пытался направить Николая I. В последнем стихе выражалось пожелание о возвращении декабристов из Сибири. Однако в близких Пушкину кругах эти стансы были поняты как измена прежним убеждениям и форма лести. Такое понимание его стихов заставило его написать стихотворение «Друзьям» (1828, см. т. III).

ОТВЕТ Ф. Т ***. Нет, не черкешенка она (стр. 345). Напечатано в первой части Стихотворений 1829 г.

В стихотворении Пушкин пишет о С. Ф. Пушкиной (1806—1862). Встретившись с ней в Москве, Пушкин за нее посватался, но получил отказ. Вскоре она вышла замуж за В. А. Панина.

К кому обращено стихотворение, не установлено (может быть, к Ф. Толстому).

ЗИМНЯЯ ДОРОГА (стр. 346). Напечатано в «Московском Вестнике» 1828 г., № 4.

В ЕВРЕЙСКОЙ ХИЖИНЕ ЛАМПАДА (стр. 348). При жизни Пушкина не печаталось. Стихи не окончательно обработаны. Повидимому, это начало неосуществленного замысла.

К **. Ты богоматерь, нет сомненья (стр. 349). При жизни Пушкина не печаталось.

МОРДВИНОВУ. Под хладом старости угрюмо угасал (стр. 350).

Н. С. Мордвинов пользовался популярностью в декабристских кругах благодаря смелости, с какой он заявлял свое мнение в Государственном совете устно и в записках, касавшихся вопросов финансового управления. Мордвинов намечался декабристами вместе со Сперанским в члены временного правительства в случае удачного переворота.

«*Ты лиру оправдал...*» Пушкин говорит об оде, написанной в честь Мордвинова Василием Петровым (1796). В этой оде Мордвинову приписывается стремление к «общественному благу» и предсказывается, что он будет «оплот отечества».

ИЗ ПИСЬМА К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ. С тобой мне вновь считаться довелось (стр. 351). Из письма от 3 июня 1826 г.

КРИСТАЛЛ, ПОЭТОМ ОБНОВЛЕННЫЙ (стр. 352). Черновой набросок.

БУДЬ ПОДОБЕН ПОЛНОЙ ЧАШЕ (стр. 353). Черновые куплеты, вероятно предназначавшиеся для какой-нибудь пьесы.

НЯНЕ. Подруга дней моих суровых (стр. 355). Неоконченный отрывок. Стихи обращены к Арине Родионовне.

ИЗ ПИСЬМА К СОБОЛЕВСКОМУ (стр. 356). Из письма от 9 ноября 1826 г. Пушкин описывает путь от Москвы до Новгорода.

ОТРЫВКИ (стр. 358).

Восстань, восстань, пророк России. По свидетельству Погодина, стихотворение «Пророк» было одним из цикла стихотворений, но остальные стихотворения цикла были резко политического содержания. По памяти Погодин сообщил одно четверостишие из недошедших текстов, обозначив в последнем стихе два слова одними первыми буквами: «у. г.» Слова эти расшифровываются по догадке.

И я бы мог как шут — строка над рисунком повешенных декабристов.

1820—1826

ТАМ НА БРЕГУ, ГДЕ ДРЕМЛЕТ ЛЕС СВЯЩЕННЫЙ (стр. 359). Отрывок, в котором говорится об оливковой роще («священный лес») на берегу моря, повидимому — в Гурзуфе.

НА ТРАГЕДИЮ гр. ХВОСТОВА (стр. 360). Стихи сообщены Вяземским А. И. Тургеневу 15 сентября 1824 г. в качестве «одесского гостинца». Эти слова можно понимать только как указание на принадлежность стихов Пушкину, находившемуся до 31 июля 1824 г. в Одессе. Трагедия Хвостова — его перевод «Андромахи» Расина. Портрет Колосовой в роли Гермионы приложен к изданию 1821 г.

ОТ МНОГОРЕЧИЯ ОТРЕКШИСЬ ДОБРОВОЛЬНО (стр. 361). Стихи написаны Пушкиным на полях так называемой Тетради Всеволожского (рукописи собрания стихотворений Пушкина, изготовленной в 1819 году и оставленной Всеволожскому), полученной Пушкиным в Михайловском в 1825 г. и обрабатывавшейся для сборника 1826 г. Нет данных утверждать, что стихи написаны именно в 1825 г. Это могли быть и ранние стихи, которые Пушкин собирался включить в сборник.

НЕТ НИ В ЧЕМ ВАМ БЛАГОДАТИ (стр. 362). Напечатано в альманахе «Урания» на 1826 год и включено в издание Стихотворений 1829 г. без даты.

О МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ (стр. 363). Стихотворение сохранилось в списках. Написано до 1825 г.

НА АЛЕКСАНДРА I. Воспитанный под барабаном (стр. 364). Сохранилось в списках.

ДРУЖБА (стр. 365). Напечатано в альманахе «Урания» на 1826 год.

ЧТО-ТО ГРЕЗИТ БАРАТЫНСКИЙ (стр. 366). Отрывок, сообщенный П. В. Анненковым со следующим примечанием: «Н. Ф. Щербина помнит, что Лев Пушкин прочел ему раз за столом стихи на С. Пере и Шамбертень очень милые и обращение к друзьям, где находилось двоестишие: Что-то грезит и т. д.».

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1825

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ (стр. 369). Сообщено Пушкиным Вяземскому в письме от апреля 1825 г. с пометой «Я да Дельвиг». В письме ему же от сентября он по поводу того же стихотворения пишет: «Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я». Таким образом, стихи написаны во время пребывания Дельвига в Михайловском, в апреле 1825 г.

Анна Львовна — Пушкина, тетка Пушкина; умерла 14 октября 1824 г.

Елизавета Львовна — Солнцева, сестра Анны Львовны.

Матвей Михайлович — Солнцев, муж Елизаветы Львовны.

Ольга Сергеевна и *Лев Сергеевич* — сестра и брат Пушкина.

Василий Львович — Пушкин, напечатал в «Полярной Звезде» на 1825 год стихотворение «К ней»: «Где ты, мой друг, моя родная», посвященное памяти Анны Львовны.

Красовский — цензор, сын протоиерея.

1826

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ (стр. 370). Напечатаны в «Невском альманахе» на 1827 год, без подписи. По свидетельству А. Н. Вульфа писаны летом 1826 г. в Тригорском Языковым совместно с Пушкиным.

Четверостишия являются пародией на переводные апологи И. И. Дмитриева, напечатанные в 1825 г. Вот для образца первый аполог Дмитриева:

Равновесие

Сын Севера! суров и хладен твой климат;
Ужасны льды твои, но счастлив ты стократ:
В тебе и бодрый дух и богатырска сила.
В Сицилии ж вулкан; чума на бреге Нила.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ

1822—1824

РАЗГОВОР ФОТИЯ С гр. ОРЛОВОЙ. Гр. ОРЛОВОЙ-ЧЕСМЕНСКОЙ (стр. 375 и 376). Обе эпиграммы распространялись в списках под именем Пушкина.

Фотий (1792—1838) — один из представителей церковного мракобесия; с января 1822 г. архимандрит, деятельный сторонник Аракчеева.

Орлова-Чесменская — Анна Ал., дочь Алексея Орлова, камер-фрейлина, фанатическая поклонница и покровительница Фотия.

НАКАЖИ, СВЯТОЙ УГОДНИК (стр. 377). Эпиграмма известна по спискам.

1824

ИЗ ПИСЬМА К ВИГЕЛЮ (стр. 378). Сообщено Ф. Ф. Вигелем в статье «Письмо к приятелю в Симбирск». Говоря о себе в третьем лице, Вигель пишет: «В Кишиневе жила одна гречанка Калипсо, коей бли-

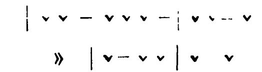
стательные очи воспламенили поэтическое сердце Пушкина, находившегося тогда в ссылке. В 1824 году один хороший знакомый его из Кишинева писал к нему в Одессу и именем этой Калипсо умолял его посетить место его жительства, в шутку называя его странствователем Телемаком. В ответ вот что между прочим сказал он ему стихами: Скучной ролью Телемака и т. д.».

Однако ошибка в стихотворной мере заставляет подозревать, что Вигель неверно передал стихи Пушкина.

НА ФОТИЯ. Полу-фанатик, полу-плут (стр. 379). См. «Разговор Фотия с гр. Орловой».

1825

РАСХОДИЛИСЬ ПО ПОГАНСКОМУ ГРАДУ (стр. 380). Запись Пушкина на обороте черновика «Я помню чудное мгновенье». Неизвестно, является ли это опытом в духе народных песен или простой записью народной песни. Запись сопровождена метрической схемой:

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

К ОВИДИЮ (стр. 386).

«Мнение, будто Овидий...» В измененной редакции это примечание Пушкин напечатал при первом издании первой главы «Евгения Онегина» (к строфе VIII).

«Овидий провел...» Пушкин имеет в виду эпизод из седьмой книги романа Шатобриана «Мученики».

АЛЕКСЕЕВУ (стр. 387). Здесь приведено окончание послания в рукописи, отброшенное в окончательной печатной редакции. При первом появлении в печати (в «Полярной Звезде») из этого окончания Пушкин напечатал восемь стихов: четыре стиха начиная с «И что ж? изменой хладнокровной» с разночтениями:

Второй стих:

Я ль стану дружеству вредить

и с эпитетом «хитрые» в четвертом стихе. За ними четыре последние стиха в такой редакции:

Люби, ласкай свои желанья,
Надежде, сердцу слепо верь.
Увы! пройдут любви мечтанья,
И будешь то, чем я теперь.

ВЯЗЕМСКОМУ (стр. 388). Разбросанные черновые наброски. Здесь они даются в предположительной последовательности.

Фирсей — повидимому, баснописец А. Е. Измайлов, издатель журнала «Благонамеренный». Стихи «Блажен Фирсей...» и т. д. соответствуют прозаической программе: «Поведай мне тайну смеха. Я проклинаю, я бешусь. Еще когда б я мог во след Измайлову, но я...»

Шаликов — поэт, издатель «Дамского журнала», предмет всеобщих насмешек за свои сентиментальные стихи.

Толстой Ф. И. — см. «В жизни мрачной и презренной».

Стурдза — реакционный публицист. См. т. I, «На Стурдзу».

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ. *Примечание* (стр. 389). «...некто сказал» — Рылеев в думе «Олег Вещий», где есть стих: «Прибил свой щит с гербом России».

ИЗ ПИСЬМА К Я. Н. ТОЛСТОМУ. *Первоначальная редакция послания к членам Зеленой Лампы* (стр. 389). Этот недоработанный текст, писанный в 1821 году, не сведен Пушкиным воедино. Здесь даются сохранившиеся куски в предположительной последовательности.

«Горишь ли ты, лампада наша...» Эти стихи в иной композиции вошли в письмо Якову Толстому.

«Вот он, приют гостеприимный». Квартира Никиты Всеволожского в доме его отца, недалеко от Большого каменного театра.

«Где в колпаке...» Революционный фригийский красный колпак.

Амфитрион веселый — хозяин квартиры, где собиралась Зеленая Лампа, Н. В. Всеволожский.

Умный враль. Слова «враль», «врать» в шутку применялись к резко радикальным и революционным суж-

дениям (намек на то, что всё это было «враньем» с официальной точки зрения).

Твой милый брат — Александр Всеволожский; в ноябре 1820 г. он женился на С. И. Трубецкой.

Прелестный Адонис — Юрьев. См. в т. I послание к нему.

Гражданин кулис — Д. Н. Барков; он читал на заседаниях Зеленой Лампы еженедельные театральные обзоры. Эти стихи Пушкин перенес в строфу XVII первой главы «Евгения Онегина».

«Но оскорбил я красоту». Речь идет о Колосовой и эпиграмме «Всё пленяет нас в Эсфири». Эти стихи вошли в «Ответ Катенину».

Калмык — мальчик, слуга Н. Всеволожского. Он прислуживал за ужином и, по свидетельству Я. Толстого, произносил «Здравия желаю» тому, кто отпускал неудачную остроту.

РАЗГОВОР КНИГОПРОДАВЦА С ПОЭТОМ (стр. 392).

«Дышал я дивным упоеньем...» Эти стихи в измененном виде вошли в «Сцену из Фауста».

К МОРЮ (стр. 394).

«Печальный остров заточенья...» Эти строфы, переработанные Пушкиным, вошли в состав ранее написанного стихотворения «Наполеон».

19 ОКТЯБРЯ (1825 ГОДА) (стр. 396).

«Чтоб тридцать мест нас ожидали снова!» На первый курс Лицея было принято 30 учеников. Один вскоре был исключен, и Лицей окончило 29.

Брольо и *Данзас* были постоянно в числе последних учеников. Пушкин окончил лицей 19-м.

Веселый наш Пеан — стихи Илличевского «Лето знойно, дщерь природы». Этот «пеан» исполнялся на каждой годовщине.

Наш казак — Малиновский, сын первого директора Лицея.

«Мы вспомнили б, как Вакху приносили...» История с «гогель-могелем». См. т. I, «Мы недавно от печали».

«Как мы впервой все трое полюбили». Пущин, Пушкин и Малиновский в Лицее влюбились в сестру их товарища Бакунину.

«Ты, освятив тобой избранный сан». И. Пущин по окончании Лицея поступил в гвардию, но затем оставил военную службу и занял место судьи в Уголовном департаменте Московского надворного суда.

«И наш словарь...» Словарь политических и философских понятий в цитатах из разных писателей, составлявшийся в Лицее В. Кюхельбекером.

«И критики лицейских мудрецов». «Лицейский Мудрец» — рукописный журнал лицеистов первого выпуска.

Куницын — любимый профессор Лицея; читал курс естественного права. В 1821 г. этот курс как вредный был запрещен правительством.

И. И. ПУЩИНУ. Неоконченное послание 1825 г. (стр. 399). Послание вызвано приездом Пущина в Михайловское, где он провел с Пушкиным один день. В конце послания говорится о должности судьи, избранной Пущиным после его ухода из гвардии.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 92.

Любовнику Аглая без сопротивления
Уступила,— но он, бледный и бессильный,
Выбивался из сил, наконец в изнеможении
Совсем запыхавшись удовлетворился... поклоном
Ему Аглая высокомерным тоном:
«Скажите, милостивый государь, почему же мой вид
Вас леденит? Не объясните ли причину?
Отвращение?» — Боже мой, не то.—
«Излишек любви?» — Нет, излишек уважения.

(Франц.)

Стр. 93.

У меня была порядочная любовница.
Я ей служил, как ей подобает,
Но головы ей не кружил,
Я никогда не метил так высоко.

(Франц.)

Стр. 106 — Возврати мне мою юность! *(Нем.)*
Стр. 145 — Легкое горячее блюдо. *(Франц.)*
Стр. 253 — По когтям узнаем льва. *(Латин.)*
Стр. 256 — Так, когда я был в печали и в заключении, лира моя всё же пробуждалась... *(Франц.)*

Стр. 262.

Как последний луч, как последнее веяние ветра
Оживляет вечер прекрасного дня,
Так у подножия эшафота я еще пробую свою лиру.
(См. Последние стихи Андре Шенье.) (*Франц.*)

Авель, милый наперсник моих юных тайн

(Элегия I)

Фанни, одна из любовниц Ан. Шенье. (См. обращенные к ней оды.) (*Франц.*)

См. Юная Пленница (М-ль де Куаньи).

См. его Ямбы.

Шенье заслужил ненависть мятежников. Он прославлял Шарлотту Корде, клеймил Колло д'Эрбуа, нападал на Робеспьера.— Известно, что король испрашивал у Собрания в письме, исполненном спокойствия и достоинства, права апеллировать к народу на вынесенный ему приговор. Это письмо, подписанное в ночь с 17 на 18 января, составлено Андреем Шенье. (А. Де ла Туш.) (*Франц.*)

В свои последние минуты они беседовали о поэзии. Она была для них, после дружбы, прекраснее всего на свете. Предметом их беседы и последнего их восторга был Расин. Они решили читать его стихи. Выбрали они первую сцену «Андромахи». (А. Де ла Туш.) (*Франц.*)

Всё-таки у меня там кое-что было. (*Франц.*)

Стр. 287 — Пресыщение есть покой. (*Латин.*)
Стр. 306.

Когда на челе пирующего, на прекрасной груди Делии,
Ослепительная роза окончила свою жизнь...
Вдруг, отделяясь от родного стебля,
Как легкий вздох, ее нежная душа испаряется,
На Элизийских полях ее благоуханная тень
Очарует безжизненные берега Леты.

(*Франц.*)

Стр. 312 — Вариант в честь м-ль НН. (*Франц.*)
Стр. 327 — «Неистовый Орланд». (*Итал.*)
Песнь XXIII. Октава 100. (*Итал.*)
Стр. 387 — О другой моей вине мне следует молчать. Овидий. (*Латин.*)
Стр. 396 — Теперь надо пить. Гораций. (*Латин.*)
Стр. 403 — Прощай, родная земля. Байрон. (*Англ.*)
Стр. 409 — Неблагодарное отечество. (*Латин.*)
Стр. 412 — Любовнику Аглая без сопротивления (*Франц.*)

Стр. 412 — У меня была порядочная любовница. *(Франц.)*

Стр. 413 — Буквальный перевод:

Ни дуновения ветра, чтобы разбить волну, катящуюся на Афинский берег; около этой могилы над скалой — первый предмет, приветствующий на этой земле, которую он напрасно спас, корабль, который оттуда возвращается. Когда снова будет жить такой герой?

. . . .

Приятный климат! где каждое время года нежно улыбается этим благословенным островам, которые, когда смотрят на них с высот Колонны, восхищают сердце, радуют взор и погружают его в мечтательное созерцание.

Там веселая поверхность океана отражает...

Стр. 414 — см. перевод к стр. 106.

Стр. 427 — Девушка, сердце твое хочет с нами молчать. *(Франц.)*

Стр. 432 — см. перевод к стр. 253.

Стр. 436 — Восхищались Циником, который стал ходить перед тем, кто отрицал движение. Солнце ежедневно совершает то же, что и Диоген, но никого не убеждает. *(Франц.)*

Стр. 437 — см. перевод к стр. 306.

Стр. 438 — Вариант. *(Франц.)*

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

1822

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Текст проверен и примечания составлены
проф. *Б. В. Томашевским*

*

Под наблюдением редактора издательства
А. И. Корчагина
Оформление художника *И. Ф. Рерберга*
Техническая редакция
Б. А. Прокофьева и *А. В. Щербакова*
Корректор *Б. Ф. Третьяченко*

*

РИСО АН СССР № 3418. Т-03910. Издат. № 2509.
Тип. зак. № 23. Подписано к печати 24.IV 1950 г.
Формат бумаги $70 \times 92^1/_{32}$. Печат. лист. 14,5+7 вклеек.
Уч.-изд. листов 14. Тираж 50 000.

Цена тома 15 руб.

*

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10